

Ради жизни!

Глубокой народностью, гуманизмом, сложными высокими эстетическими идеалами является советская литература. Ее пафос — пафос великих коммунистических преобразований, создания, дружбы, мира. Ее герои — люди труда и борьбы, новые люди, знающие, как построить свободную, счастливую жизнь и как оберегать ее от враждебных сил войны, насилия, империалистического разбоя. Наша литература своим своим рождением противостояла антигуманистической литературе индивидуализма и декаданса, созданной реакционной буржуазией, той презренной литературе, которая и сейчас раздувает звериные инстинкты, сеет раздоры и смерть, пробуждает в человеке неверие в свои силы, убивает в нем волю. Наша литература сказала миру новое слово, развенчала веками насаждаемый культ страдания и безволия, показала, какой неисчерпаемый источник творческих сил таится в народе, когда он становится хозяином своего счастья.

От очистительной бури Октября, через незабываемые годы гражданской войны и суровых испытаний интервентам, через все более уступающую шаг за шагом, опьяняя и мучая первых лет Отечественной войны, дождянную, ни с чем несравнимую радость блистательной победы и до наших, овеянных дыханием героической стройки будней, — советская литература неизменно воспевала труд и мир. Эти два крылатых слова написаны на ее знамени, и, начиная от Горького и Маяковского, все поколения советских писателей, передавая, как эстафету, высоко несут знамя защиты мира во всем мире.

Фурманов и Н. Островский, Серафимович и Д. Бедный, Вишневский и Тренев, А. Толстой и М. Пришвин, Павлико и Горбатов, Сталянский и Джамбул — такие разные художники, каждый своим голосом — в прозе, поэзии, драматургии, публицистике — отстаивали жизнь, мир, создание, радость и покой матерей, счастливое детство, неомраченную юность человека, его веру в будущее. Идеями жизнеутверждения, внутренним ощущением естественной гармонии мира, дружбы, творчества, горячей любовью к человеку и жгучей ненавистью к разрушительным силам грабительских войн проникнуты произведения Шолохова, Фадеева, Федина, Исаковского, Гладкова, Твардовского, произведения других советских писателей.

Наша литература — непримиримый враг пропаганды войны, апологетики убийств и разбоя, неуважения к другим народам. Все это удел тех, кто размахивает водородной бомбой и грозит потопить землю в потоках человеческой крови. Наша литература исполнена надежд и великой слезы, сокрушить эти силы во имя жизни. Немало написано советскими писателями произведений, разоблачающих прогнившие империалистические поджигательские войны, и в то же время показывающих, как растут в борьбе с реакцией силы мира во всех странах, как крепнет пробуждающееся сознание народов во что бы то ни стало отстаивать свободу, демократию, мир. Это «Русский вопрос», «Друзья и враги» К. Симонова, «Буря», «Десятый вал» и публицистика И. Эренбурга, пьесы А. Якобсона, Б. Лавренева, И. Иогансона, стиха А. Суркова, А. Машинко, М. Луконина, С. Вургуня, М. Турсуна-заде, М. Бажана, Н. Гребачева, В. Тухновой, Е. Шелева, рассказы и очерки В. Полевая, Н. Тихонова, А. Чаковского — всего не перечислить.

Единым высоким пафосом гуманизма пронизаны в нашей литературе и те произведения, что отражают мирный труд народа, и те, что воспроизводят его героическое прошлое или ратный подвиг в Отечественной войне, и те, что прямо направлены против современной людоеды, и те, что рисуют новую жизнь в странах народной демократии. Все эти книги неизменно проникнуты идеями человеколюбия, отражают высокие моральные идеалы социалистического общества.

Вот значительное произведение последнего года — «Русский лес» Л. Леонова — эта изумительная поэма о лесе, — разве она не является в то же время могучим гимном жизни, миру, труду? «...Почувствуй

ной, небольшого роста старик с проседью на висках и замятой на сторону бородой, в стареньком, заштопанном пиджаке» — профессор Вихров под грохот величайшей войны, под грозным небом Москвы обращается к институтской кафедре к студентам-первокурсникам, страстно зовя их защищать лес. В тяжкую годину испытаний его дочь, юная героиня Поля, почти девочка, в зимнем ночном лесу с великодушным упорством выполняет свой долг патриотки. — разве это не образ мира, отстаивающего себя в жестокой схватке с врагом? Всей большой художественной правдой, всей философией своей «Русский лес» служит делу защиты мира.

Произведения, отображающие жизнь и борьбу трудящихся стран лагеря мира и других зарубежных стран, обличающие фашистскую новую войну, всегда будут на переднем крае борьбы за мир. Нельзя не признать, что за последний год таких произведений было мало у нас. Назовем стихи К. Симонова, продолжающие мотивы «Друзья и врагов», китайские рассказы В. Коженинова, повесть Р. Яма «Девушка из Хиросимы» — о смелых японских патриотах, роман из корейской жизни А. Сахнина «Тучи на рассвете».

Нашим писателям в лагу перед неизвестными бойцами, которые в разных уголках земли героическими усилиями завоевывают свободу, демократию, мир. И этот свой кровный долг советские писатели должны непростительно чувствовать, как это остро чувствовал Владимир Маяковский «перед всем, про что не успел написать».

В исторические дни Октября 1917 года вступил в действие знаменитый ленинский декрет о мире; наша страна начала свое победное движение к коммунизму с первыми словами о мире. С тех пор неизменно советское общество борется за мир. И сейчас наш народ, руководимый Коммунистической партией, считает своей главной заботой в области внешней политики — не допустить новой войны, жить в мире со всеми странами. Святой обязанностью советских писателей — художественным словом, действительной общественной работой горячо, вдохновенно отстаивать мир, всегда помнить, что их книги жаждо читают за рубежом миллионы людей, учатся по ним жить, бороться, побеждать.

С каждым годом крепнут, расширяются культурные связи Советского Союза с зарубежными странами. И разве не знаменательно то, что советские писатели активно служат делу мира не только своей поэзией, прозой, драматургией и публицистикой, но что они являются неотъемлемыми труженниками движения сторонников мира, что их пламенный голос в защиту мира звучит на всех конгрессах и конференциях всемирного движения миролюбивых сил, что как участники и организаторы этого движения, они снискали себе большой международный авторитет? Как всегда, советские писатели примут участие и в работе открывающейся 18 ноября сессии Всемирного Совета Мира в Стокгольме, на повестке дня которой стоят важные вопросы сотрудничества между народами и обеспечения общей безопасности.

Движение сторонников мира неодолимо растет, на нашей старой планете никогда не было такой всесторонней, благородной, организованной армии, противостоящей мрачным силам войны. На Западе и на Востоке развивается, все более наливается глыбы новая, демократическая, прогрессивная литература. Мы не мыслим наших библиотек без книг Говарда Фаста и Анны Бергер, Джоржи Амаду и То-Мо-Жо, Михаила Садюну и Луи Арагона, Набло Неруды и Назыма Хикмета. Их творчество и творчество многих других прогрессивных писателей, пронизанное идеями борьбы за мир, демократию и национальную независимость, находится в процессе постоянного взаимобогащения с творчеством советских писателей.

Надо, чтобы наши писатели в преддверии своего Второго съезда глубоко продумали практические, организационные меры, содействующие развитию культурного обмена между народами, ибо это тоже есть мобилизация сил мира.

Советские писатели были и будут передовыми бойцами великой армии мира, наша литература громко возмалась и будет возмалась свой голос против войны, за мир, за дружбу между народами, за светлое будущее человечества.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 136 (3320)

Вторник, 16 ноября 1954 г.

Цена 40 коп.

БОЛЬШЕ БУМАГИ ДЛЯ КНИГ!

НА ВИШЕРЕ

«ПОСИДИМ У ТИПОГРАФСКИХ МАШИН!»

На далекой окраине Северного Урала, в соседстве с древней Чердыней, 23 года тому назад, осенью 1931 года, был пущен Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат — детище первой пятилетки.

Расположенный на берегу быстрой и живописной реки Вишеры, стремительно несущей свои воды в Каму, комбинат этот служит сегодня культуре великого социалистического государства.

Дремучие леса покрывают бескрайние пространства западного склона Уральского хребта. В верховьях Вишеры и ее притоках трутятся дуборубы, сибирская ель, очищая их от ветвей и скатывая зимой на берега застывших рек. Весной, когда солнце расплавит снег и лед, когда вновь зашумит серая вода в половодье Вишеры, мчатся до тех пор, пока запань не задержит их у лесной бери Вишерского комбината...

Он занимает особое и немаловажное место в советской бумажной промышленности. Комбинат призван вырабатывать самую лучшую печатную бумагу.

Советская книга должна быть изданной отлично, а это во многом зависит от свойств печатной бумаги. Она бывает трех номеров, которые отличаются один от другого по содержанию древесной массы. Номер первый вовсе не содержит древесной массы и состоит только из белой целлюлозы, номер второй содержит 50 процентов белой целлюлозы и номер третий — только 20—30 процентов белой целлюлозы.

Так вот: вся вишерская бумага выпускается только сортом первого номера. Бумага, вырабатываемая вишерскими бумажниками, одна из наиболее долговечных. На этой высококачественной бумаге печатаются лучшие советские книги.

Вишерские бумажники хорошо знают это и ни на минуту не забывают о своей ответственности перед миллионами читателей. Однако можно ли сказать, что на Вишерском комбинате так уж хорошо знают своих потребителей? Нет, этого сказать нельзя. Конечно, директор комбината П. Слесарчук или начальник отдела технического контроля Р. Драгунова чуть ли не каждый год, посещая столицу, бываю в издательствах, для которых поставляется вишерская бумага, заглядывают и в книжные типографии, но изучения требований потребителей и регулярной связи с ними нет, хотя об этом в течение многих лет говорят и на комбинате и в Главлитостропроме. Ель, срубленная на западных склонах Северного Урала и сплавленная молею до Красновишерского рейда, в течение суток проходит все стадии производственного процесса и, превратившись сначала в целлюлозу, а затем в бумагу, уходит во все концы страны, главным образом, в гигантские типографии Москвы и Ленинграда. И что там, в этих типографиях, происходит с бумагой, как печатаются на ней книги, что нужно для того, чтобы бумага отвечала требованиям полиграфистов, — этого все те, кто делает бумагу, не знают...

В общем стандарты выдерживаются, и рекламный комбинат от своих потребителей лишь получает немного. Но дважды и трижды в год приезжает, например, в Красновишерск с претензиями представитель «Молодой гвардии». Это издательство печатает на вишерской бумаге массовые красочные журналы «Техника — молодежи» и «Молодой колхозник». Тут требуется высокая гладкость бумаги и, что особенно важно, равномерность всех показателей: прозрачности, гладкости, веса и т. д. А это не всегда удается. Бывает, что привозит в Красновишерск образцы книг, отпечатанных на такой неоднородной бумаге, бываю жалобы, звонки по телефону.

и красновишерцам приходится иногда красить за свою продукцию.

Уже много лет идет разговор о том, чтобы специализировать бумажные предприятия и прикрепить крупных постоянных потребителей бумаги к определенным бумажным фабрикам. Это должно обеспечить тесную производственную связь между потребителями и поставщиками бумаги. Между тем даже Вишерский комбинат не является специализированным предприятием. Вишеры выпускают, кроме типографской бумаги, и другие сорта, например, картографическую, значительно более толстую. Это неизбежно приводит к технологическим затруднениям. Переход с одного сорта бумаги на другой захоронит весь ритм производства. Появляется брак.

Не раз говорилось, что бумажники должны быть в контакте с печатниками, много говорились и об экскурсиях бумажников в крупнейшие типографии страны. Нужда в таком общении велика. Жаль, что в Министерстве бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР не думают об этом. Но предприятия сами стали проявлять инициативу. Директор Вишерского комбината сообщил, например, нам, что в ближайшее время собирается послать бригаду в московские и ленинградские типографии, потребляющие вишерскую бумагу. В состав бригады войдут контролеры отдела технического контроля, сеточник бумагоделательной машины, мастер отбелочного отдела.

— Посидим у типографских машин, посмотрим, каковы же достоинства и недостатки нашей продукции, послушаем пожелания полиграфистов, и работать будет легче! — говорят вишеры.

НА ПОВЫШЕННЫЕ СКОРОСТИ!

Жизни вишеры производило одно не очень приятное событие. Госполитиздат вызвал в Москву представителя Вишерского комбината и продемонстрировал перед ним рулоны бумаги, имевшей некоторую волнистость, что приводит к большим отходам. Лаборатория комбината много поработала над тем, чтобы установить причину этого явления, но тайна не была раскрыта. Не помогли в этом вишеры и ученые — работники Научно-исследовательского института бумажной промышленности.

Недавно коллектив вишеры познакомился с письмом группы советских писателей к бумажникам. Они восприняли его, как требование всей нашей советской общности, как сирывающий и великодушный счет миллионов читателей. Из партийно-хозяйственного актива, обдумав обращение писателей, вишеры с горечью говорили о том, что они находятся в большом долгу перед издательствами и советским народом, так как план выпуска типографской бумаги не выполнялся.

Самокритично были вскрыты недостатки в работе, привезшие комбинат к отставанию. Призывая развернуть социалистическое соревнование, вишеры дали в октябре сверх плана 150 тонн типографской бумаги. Сейчас коллектив вишеры борется за то, чтобы в предшествующие Второму съезду писателей дни выработать еще больше бумаги сверх плана. Сеточник К. Пороло, старший варщик В. Черепанов и многие другие новаторы в эти переломные в работе комбината дни проявляют хорошую творческую инициативу. Самый замечательный факт, во многом определяющий начавшееся преодоление отставания, — это повышение скорости бумагоделательной машины. Не так-то легко применять повышенные скорости при выработке бумаги первого номера. Было немало неудач, случаются они и сейчас, но несомненно одно: вишерские бумажники смело осваивают новый режим производства, смело вскрывают резервы.

О ГРЯЗНОЙ ВОДЕ И ПРОЧЕМ

Бумажное производство нуждается в огромном количестве воды. И хотя считается, что вода в Вишере отличается высоким качеством, обеспечивающим хороший цвет и чистоту бумаги, в действительности это верно только тогда, когда нет дождей, паводка или ледохода... Если двое суток идет дождь, то вишеры уже знают: в течение двух суток «пойдет» бумага желтого оттенка. Как это ни странно, но предприятия, признанное выпускает самую лучшую бумагу, не имеет очистных сооружений.

— Что в Вишере, то и на машине! — справедливо жалуются рабочие бумагоделательной машины.

Бумагу с желтым оттенком либо бракует, либо выпускают другим сортом. А бывает и хуже, когда вместо печатной бумаги приходится выпускать поточную.

История о грязной воде — старая история; годами тянутся разговоры, споры. Наконец были ассигнованы большие средства на постройку очистных сооружений. И они, эти сооружения, построены. Однако по-старому применяются кустарные фильтры. Министерство бумажной и деревообрабатывающей промышленности, оказывается, не удосуживается довести дело до конца — отпустить вишерам недостающие 180 метров труб...

Вишеры дали обязательство погасить задолженность стране в типографской бумаге, и мы не сомневаемся, переход на более повышенные скорости бумагоделательной машины будет иметь важные последствия для всей работы комбината. Однако механизмы требуют, в свою очередь, к себе повышенного внимания, более глубокого проникновения в их технические «тайны». Получалось вначале так, что при повышении скорости возникали колебания тяг: моторы, приводящие в движение пресс, работали несинхронно — первая группа прессов шла быстрее, вторая — медленнее, бумажное полотно начинало провисать, обрываться. Сейчас обрывов уже меньше и сеточники работают все увереннее.

В эти дни, подсчитав резервы, работники комбината как будто еще больше полюбили свои машины, увидели их достоинства и недостатки. И они не хотят больше мириться с тем, что целлюлозный завод до сих пор работает без принудительной циркуляции кислоты в варочных котлах, не хотят работать с узлоуловителями старинной конструкции, требуют у министерства установки на бумагоделательной машине отсаживающего вала. На Балахне и в других местах давно уже перешли на электронное регулирование многомоторного привода, а здесь все еще работают по старинке...

Давно уже хлопочут вишеры о модернизации оборудования. Три года обивают они пороги министерства, доказывая, что выпускать хорошую бумагу на устаревшем оборудовании очень трудно. Но Главлитостропром глух к этим просьбам.

Здесь следует предвзвешать счет и к машиностроителям. Они тоже повинны во многом. Сделаво бы и им включиться в соревнование бумажников. Так, отсаживающего вала для вишерской бумагоделательной машины до сих пор нет по вине машиностроительных заводов. Делать это хотя и сложная, но под силу все же нашей высокой машиностроительной технике. Нет оправданий для задержки.

Непрерывный рост культуры в нашей стране требует, чтобы машиностроители оказывали бумажникам действительную помощь и не рассматривали их как малавальных заказчиков.

Бригада «литературной газеты»: И. АРАЛЧИВ, Ив. МОЛЧАНОВ, А. СПЕШНОВ, КРАСНОВИШЕРСК, Молотовской области.

Международные отклики

В ИНТЕРЕСАХ ВСЕОБЩЕГО МИРА

Нота Советского правительства о безопасности Европы, принятая 13 ноября, наметившая реальный путь к решению германской проблемы и обеспечению общеевропейской безопасности, встретила широкий отклик во всем мире. Люди доброй воли, все те, кто заинтересован в снятии международной напряженности, в мирном сотрудничестве народов, видят в новых советских предложениях верный путь к устранению угрозы войны. Комментируя ноту Советского правительства, зарубежная печать подчеркивает, что нота предельно конкретна, обращена ко всем без исключения европейским государствам и содержит точную дату созыва совещания.

Советское правительство, как известно, предлагает в своей ноте созвать без дальнейших отлагательств 29 ноября нынешнего года в Москве или в Париже совещание всех европейских государств, которые всеохватно принять в нем участие, а также Соединенных Штатов Америки по вопросу о создании системы коллективной безопасности в Европе. Призывая особую ответственность постоянных членов Совета безопасности ООН за поддержание международного мира и безопасности, Советское правительство считает желательным, чтобы Китайская Народная Республика направила на совещание своего наблюдателя.

Можно ли сомневаться в том, что безотлагательное обсуждение важнейших проблем безопасности отвечает интересам народов всех стран? Сейчас, когда парижские и лондонские соглашения сделали совершенно реальной угрозу возрождения германского милитаризма и призраком новой агрессии злобные исходят над Европой, особенно важно создание такой системы коллективной безопасности, которая преградила бы путь войне.

Это сознают широчайшие круги европейской общности. Но именно поэтому реакционные круги США, заинтересованные в возрождении германского милитаризма, стремятся помешать проведению в жизнь советских предложений.

Глава текста Советской ноты был опубликован, как американские газеты поторопились предсказать, что на новые предложения Советского Союза будет дан отрицательный ответ. «Вашингтон пролетает колоссально и советскому предложению», пишет корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Уэлтон. А газета «Нью-Йорк Джорнал-америкэн» поместила на первой странице крупный заголовок: «На новое советское предложение ожидается американское «нет».

Однако, заранее отвергая Советскую ноту и пытаясь тем самым задать тон своим европейским единомышленникам, американская пропаганда не может найти ни одного серьезного аргумента против советских предложений. И она вновь повторяет застарелые и надоевшие оскомину рассуждения о «неискренности» и «пропагандистском манере» Советского Союза. Впрочем, кому не ясно, что это преследует единственную цель: уйти от прямого ответа на конкретные советские предложения о создании действенной системы коллективной безопасности в Европе.

Советский Союз отвергает политику возрождения германского милитаризма, выраженную в решениях отдельных совещаний западных держав в Лондоне и Париже. Он выдвигает конкретный план обеспечения всеобщего мира — план общеевропейской системы коллективной безопасности, претворяющей в жизнь объективно бы в то же время урегулирование германской проблемы.

О том, что путь, предложенный Советским правительством, одобряют широкие слои европейской общности, можно судить по откликам на новую ноту. Газета «Либерасенс» подчеркивает, что Советская нота «произвела большое впечатление» во Франции. «Эта нота», — продолжает газета, — вызвала во всем мире огромный интерес. В самом деле, речь идет о предложении, которое не может быть ни обидно, ни отвергнуто правительством, которым оно адресовано, без протеста со стороны общественного мнения этих стран». Агентство Франс Пресс высказывает предположение, что 29 ноября в Москве состоится совещание стран, «которые ответят на приглашение, если это будут не все приглашенные страны».

Эту мысль выражают газеты различных политических направлений. Характерно, что американская печать вынуждена признать огромную притягательную силу новых советских предложений для европейской общности. Парижский корреспондент «Нью-Йорк геральд трибюн» Макгэвон пишет, что «идея новых новых переговоров с русскими завоевала здесь (речь идет о Франции) — Лит.) широкое сочувствие». А корреспондент Юнайтед Пресс высказывает предположение, что советские предложения «найдут поддержку среди населения Франции, которое весьма опасается вооружения Германии».

Советская миролюбивая политика находит путь к сердцам миллионов простых людей в Европе. Она вселяет в них надежду и уверенность в будущем. Этого не в силах скрыть никакие увертки и ухищрения американской пропаганды.

ЛИТЕРАТУР

150-летие Казанского университета имени В. И. Ульянова (Ленина)

Семнадцатого ноября исполняется 150 лет со дня создания одного из старейших высших учебных заведений страны — Казанского государственного университета имени В. И. Ульянова (Ленина).

Ученые Казанского университета внесли огромный вклад в развитие русской и миро-

вой науки, принимали активное участие в революционной борьбе в России. В университете учился В. И. Ленин.

Сейчас в университете — около четырех тысяч студентов свыше 30 национальностей.

Советская книга за рубежом

ПРОСТЫЕ люди мира хотят знать правду о СССР, советском образе мысли и жизни. Ответы на свои вопросы они находят в нашей художественной литературе.

Она, по выражению французского писателя-патриота Жюль Верна, является как бы проекцией колоссального образа советского общества. В ее недрах утвердилось нечто великое, новое, плодотворное. Именно это определило на мировой арене место советской художественной литературы. Ее жизнеутверждающий дух, самые передовые идеи встречают горячий отклик в сердцах миллионов людей, борющихся за свои жизненные права.

С каждым годом растет многомиллионная армия наших зарубежных читателей. Только за три года (1951—1953) за границей было издано больше 94 миллионов экземпляров книг советских авторов.

Сегодня, накануне Второго съезда писателей, уместно напомнить, что перед Первым съездом за рубежом на иностранных языках были изданы произведения 96 советских писателей. За два года лет число это почти удвоилось: только в последние годы за рубежом выпущено свыше восьми тысяч изданий произведений более чем 900 советских писателей!

На нашей карте обозначены линиями далеко не все «маршруты» советской книги, изданной после войны, — трудно учесть все произведения наших писателей, выходящее за рубежом. По неполным сведениям, советская литература издается там на 42 языках народов мира.

В двух небольших комматках Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы в Москве изо дня в день идет кропотливая работа. Сюда поступают журналы и газеты зарубежных стран. Работники библиографического отдела черпают из них сведения об изданиях советской книги в различных странах. Сведения эти, составившие большой том, выпускаемый ко Второму съезду писателей, конечно, неполные, но они свидетельствуют об огромной

не просто интересное чтение, а учебник жизни. Они черпают в советской книге много-многолетний опыт борьбы за жизненные права народа, воспитание нового человека, строительства новой жизни.

«Произведения советских писателей являются для нас животворной влагой», — заявляет профессор Цао Цзин-хуа. — Они питают и питают миллионы и миллионы молодых поколений Китая».

Показательно, что в последние годы, например, роман Н. Островского «Как закалялась сталь» был издан в Польше десять раз; тираж только 1950 года составил 100 тысяч экземпляров. В Чехословакии также вышло десять изданий романа, из которых четыре — в течение 1951 года. «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевая выпускалась в Болгарии пять раз, в Польше — одиннадцать раз, в Чехословакии — дважды. В Румынии роман М. Шолохова «Поднятая целина» в странах народной демократии издавался тридцать пять раз. «Тихий Дон» — двадцать шесть раз.

В дружественных нам странах переведены почти все лучшие произведения советской литературы.

Всего после войны в Чехословакии вышло более 1500 изданий книг 51 советского автора, в Польше — более 1 000 книг 56 авторов, в Венгрии — более 800 книг 44 авторов, в Болга-

рии — более 600 книг 50 авторов, в Румынии — более 500 книг 28 авторов. В народном Китае за пять лет выпущено около 800 книг более чем 200 советских авторов.

Даже в капиталистических странах, где советская книга на своем пути к читателю встречает многочисленные преграды, выпуск ее увеличивается. Наибольшее распространение советская книга имеет, пожалуй, во Франции и в Японии.

Недавно гостивший у нас писатель Пьер Декс рассказывал, что «каждый грамотный француз может сравнить низкие цены, которые распространяет в нашей стране американская упадническая литература, с живым духом возрождения, новым гуманизмом, которым проникнута советская литература».

Интерес французских читателей к нашей книге настолько велик, что «Леттер Франсез» из номера в номер печатала весь роман В. Ахжана «Далеко от Москвы». Первый тираж романа Г. Николаева «Жатва» разошелся в прошлом году за несколько недель. За последние девять лет во Франции издано около 200 книг советских писателей.

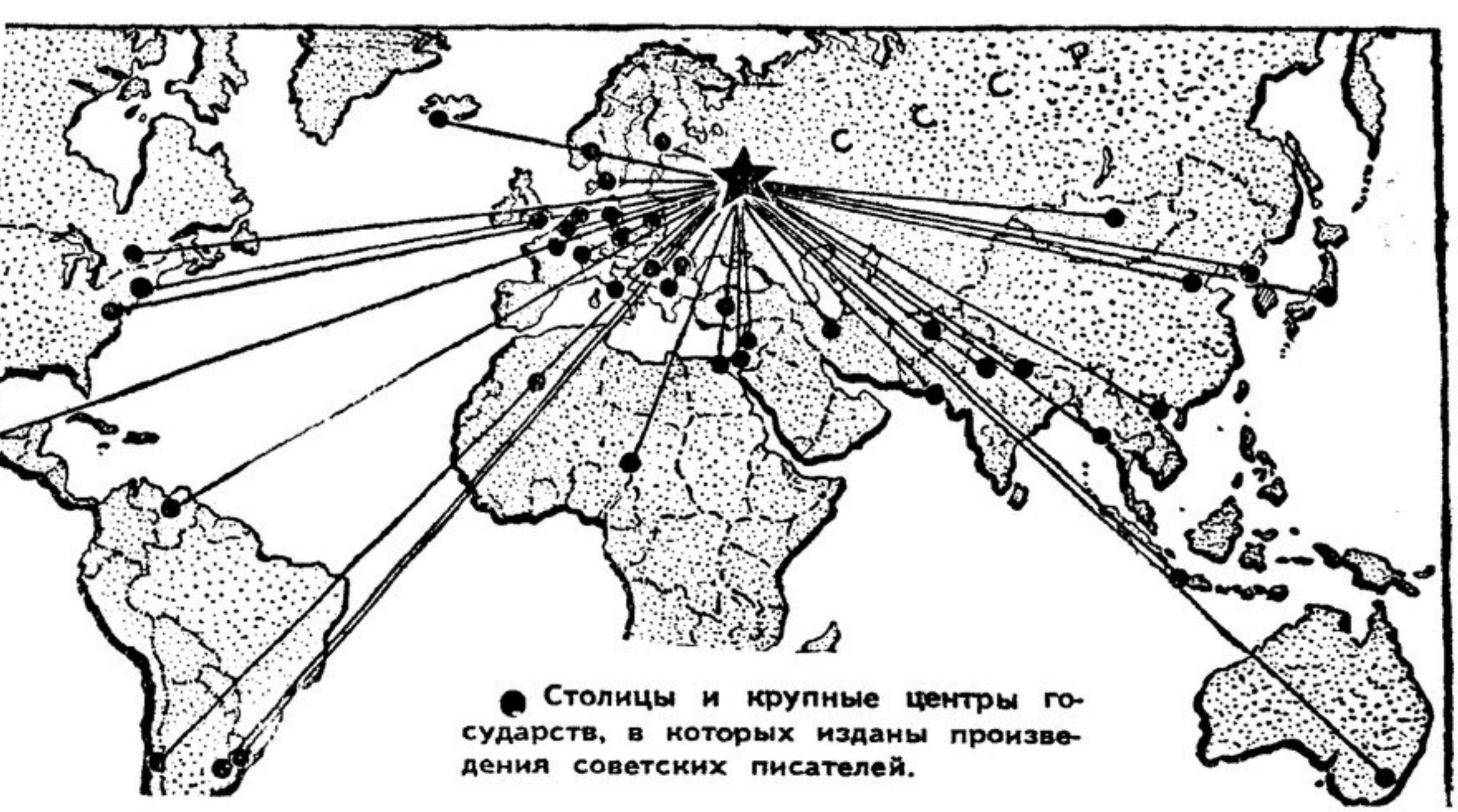
По количеству произведений, изданных за границей, первое место среди советских писателей принадлежит А. М. Горькому. В семи странах издавался его сборник сочинений (30-томное — в Праге, 26-томное — в Софии, 12-томное — в Осло и т. д.). Сборники его

избранных произведений выпущены в Болгарии, Венгрии, Вьетнаме, Германии, Китае, Коре, Чехословакии, Японии и других странах. Только книга «Мать» вышла более 22 раза на 29 языках, в том числе на арабском, бенгальском, урду, хинди, гуджарати, голландском, греческом, испанском, финском, шведском, 37 раз выпускалась «Летство», более чем по 30 раз — «В людях» и «Мои университеты», 32 раза — «Дело Артамоновых». В общей сложности, не считая обширных сочинений и избранных произведений, книги М. Горького за границей в послевоенный период выходили более 900 раз.

Невозможно перечислить всех советских писателей, чьи книги переведены на иностранные языки. Назовем лишь тех, чьи произведения выдержали наибольшее количество изданий.

А. Толстой — 230 изданий («Ходячие по мукам» — 39, «Хлеб» — 35, «Русские сказки» — 23, «Горы и люди» — 23 и т. д.). И. Эренбург — 188 изданий (Публицистические сборники — 36, «Падение Парижа» — 40, «Буря» — 32 и т. д.). М. Ильин — 181 издание («Как человек стал великим» — 23, «Горы и люди» — 22, «Сто тысяч почему» — 19 и т. д.).

К. Симонов — 158 изданий («Дни и ночи» — 33, «Русский вояка» — 21 и т. д.). А. Гайдар — 143 изданий («Тимур и его команда» — 43, «Школа» — 26 и т. д.). В. Катаев — 143 издания («Беллет парус одинокий» — 42, «Сын полка» — 36 и т. д.).

● Столицы и крупные центры государств, в которых изданы произведения советских писателей.

Б. Полевой — 142 издания («Повесть о настоящем человеке» — 60 и т. д.). М. Шолохов — 137 изданий («Поднятая целина» — 55, «Тихий Дон» — 53 и т. д.). В. Маяковский — 136 изданий («Собрание избранных стихотворений» — 27, поэма «В. И. Ленин» — 16 и т. д.). А. Фадеев — 117 изданий («Молодой гвардия» — 60, «Разгром» — 36 и т. д.). Н. Островский — 106 изданий («Как закалялась сталь» — 78, «Рожденные бурей» — 23 и т. д.). С. Маршан — 106 изданий («Двенадцать месяцев» — 18 и т. д.). А. Макаренко — 105 изданий («Педагогическая поэма» — 52, «Флаги на башнях» — 20 и т. д.). Б. Горбатов — 100 изданий («Непокоренные» — 40, «Обыкновенная Арктика» — 20 и т. д.). 84 раза издавался произведение В. Васильевской, они вышли больше чем на двадцати

языках. Переведены почти все произведения К. Паустовского — 77 изданий, книги А. Бека вышло 76 раз, М. Пришвина — 71 раз, П. Павленко и В. Гроссмана — по 70 раз. Зарубежным читателям известны произведения более ста литераторов братских народов Советского Союза. Перечислены произведения писателей не только всех союзных, но и многих автономных республик.

Огромную заботу проявляют партия и правительство о воспитании нашего юного поколения. Ни в какой другой стране не сделано столько, сколько в СССР, дляственного развития и морального формирования детей. Естественно, что советские книги для детей переводятся на множество иностранных языков, 94 издания выдержали, например, произведения В. Бианки, 52 — Л. Воронковой, 30 — «Рассказы о Ленине» А. Кононова, около 70 — книги Л. Кассия. На двенадцать языков переведены книжки Е. Чарушина, на одиннадцать — С. Михалкова и К. Чуковский, на 8 — А. Барто и т. д. Если прибавить к сказанному, что на иностранные языки переведено также несколько сот пьес и сценариев, что в отдельных изданиях, антологиях и сборниках напечатаны произведения советских поэтов, что тираж издаваемых за границей книг в послевоенные годы увеличился в среднем вдвое, — станет ясным, как быстро завоевывает советская литература новые миллионы зарубежных читателей.

ВОСПИТЫВАТЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВКУС

ОБЗОР ПИСЕМ

Новый многоэтажный дом. Пока он не заселен, его стандартные квартиры похожи одна на другую. Но вот остались позади суматоха переезда, на окнах появились цветы и занавески — если теперь зайти сюда, то в этом, только что построенном здании не найдешь и двух одинаковых комнат. Правда, по многим из них встречаются одни и те же вещи — те же обои, те же розовые абаятуры, подпорованные шкафы, круглые столы, венские стулья, но даже это одностороннее представление обихода не может уничтожить своеобразия обжитой комнаты.

Человек налагает на облик жилища печать своей индивидуальности, оно становится отражением его личности, его вкусов и привычек, убеждений и пристрастий, его профессии и жизненного опыта. Люди разные, и каждая комната рассказывает о своем хозяине: красоте, уют, гармоничности, по стремлению к красоте и гармонии — венду. В своей комнате человек проводит многие часы жизни, часы труда и отдыха, здесь ребенок впервые знакомится с миром, с понятиями порядка и аккуратности, впервые знакомится с искусством. И понятно, что все мы стремимся украсить наше жилище, сделать благоприятным его постоянное воздействие на нас самих и наших детей. При этом советский человек идет от промышленности и торговых организаций помощи в этом важном для него деле. К этому никто, пожалуй, не относится безразлично, и естественно, что статья художника А. Пластова «Убранство сельского дома», опубликованная в «Литературной газете» 29 июля, вызвала горячий отклик читателей.

«Но роду работы», — пишет зоотехник А. Комиссаров из Архангельской области, — мне приходится часто бывать в селах. И надо сказать, что неприятно поражает однообразие убранства внутри дома. Это происходит не по вине хозяев, а по недостатку и однообразию ассортимента в торговых организациях. О каких личных вкусах может идти речь, если, например, в селе Красное Озеро, Витовского района, за последние пять лет сельхоз торговля только репродукциями с картины Венецианова «Пастухов». И теперь «Пастухов» висит во всех домах села».

Чувство прекрасного так же избирательно, как чувство любви. Даже безупречно красивая вещь может нравиться одним и не нравиться другим. Чтобы развивать чувство прекрасного, чтобы воспитывать вкус, необходимо создать широкий выбор обрабатываемых в торговле предметов домашнего убранства. И это в равной степени относится и к деревне и к городу.

«Художник Пластов поднял очень важные вопросы не только для села, но и для города, даже такого культурного центра, как Ленинград», — пишет в редакцию Л. Иванова. — Как и чем украсить квартиру? Этот вопрос, я уверена, возникнул у каждой женщины. Буду говорить о себе.

Более года назад мы получили квартиру в новом доме. Как подобрать мебель? Это, к сожалению, очень большой вопрос. Мебель делают плохо, топорный стандарт не украшает квартиру. Очень трудно купить хорошие занавески на окна. Портеры или декоративные материи выпускаются нередко плохого качества, аляповатых, безвкусных расцветок. Вот и остаются окна и двери без оформления.

«Неужели не ясна еще некоторым товарищам та азбучная истина, — пишет В. Фурин из г. Сокол, Вологодской области, — что плохо отделанная, оклеенная уродливыми обоями, обставленная некрасивыми вещами комната не располагает к отдыху, а раздражает? Почему же так трудно купить красивые обои? Неужели изготовители красивых вещей домашнего обихода — такая уж проблема для нашей промышленности?»

На все эти вопросы необходимо ответить делом, нельзя больше отмахиваться от законных требований людей, которые хотят украсить свой быт. И не только быт. Все чаще высказываются требования советских людей средствами искусства украсить и место их труда: цех, завод, учреждение. Украсить не формально, не казенными «произведениями» халтурщиков, а так, чтобы искусство помогало в труде, чтобы в мускулы усталие лилась страстная и бунтующая сила.

«Убранство цеха, завода, сельскохозяйственного предприятия», — считает секретарь партийной организации автоматного завода С. Навшеев, — не менее важно, чем убранство дома. Немало в этом направлении у нас делается, но пришла пора заняться этим систематически, пришла пора прийти на заводы мастерам изобразительного искусства и помочь им. Иначе получается, что и на заводы нередко проникает рыночный товар «халтурных художников». Наш завод имеет в рабочих поселках десятки общешкольных, но все они лишены квалифицированного, хотя бы изредка осуществляемого художественного влияния.

В труде, во время отдыха, дома, в парке, на улице — всюду советский человек стремится встать в общегородской красоты искусства. И необходимо широко пропагандировать эстетические богатства, веками накопленные народом.

«Большую роль в воспитании вкуса», — говорит в своем письме научный сотрудник Института физиологии имени П. П. Павлова Б. Андреев, — играет знакомство с подлинными картинами классиков живописи. Очень хорошо, что теперь широко практикуется организация передвижных выставок. Но наиболее реальный путь развития художественного вкуса у широких масс — это повседневная возможность обозревать произведения искусства в общественных местах: в столовых, гостиницах, на вокзалах, в учреждениях и т. д. Действительно, стены подобных учреждений обычно украшены

картинами. Но что это за картины? Почему эти «базарные» произведения выставлены для всеобщего обозрения? А ведь на ежегодных выставках в Москве, Ленинграде и других городах можно видеть много талантливых работ молодых художников. Пора эти молодые силы искусства использовать для создания картин, которые могли бы украшать наши общественные места и способствовать развитию художественного вкуса в повседневной жизни.

Халтурные «произведения» искусства, казенная обстановка многих учреждений портят вкус советского человека, задерживают эстетическое развитие. А эстетические понятия сами собой не приходят, — их надо воспитывать.

«Я знаю немало домов, где есть и неплохая мебель и хорошие картины. Но в квартирах нагромождено столько вещей, и только у их владельцев не хватает вкуса. Почему бы не издать хорошую иллюстрированную книгу о том, как надо обставить квартиру? Было бы неплохо использовать для этой цели и кино. Надо больше места в наших журналах уделять воспитанию эстетического чувства, эстетику надо пропагандировать!» — пишет директор школы И. Приходченко из села Могрица, Сумской области.

Проблема воспитания вкуса волнует авторов многих писем. Они рассматривают этот вопрос с разных сторон. Предъявляя в связи с этим серьезные и справедливые счет промышленности, торговле, художественным и культурно-просветительным организациям, читатели затрагивают и такой вопрос, как эстетическое воспитание в школе. Именно здесь должны закладываться прочные основы любви к искусству.

«Но эстетическое воспитание школьников», — говорится в письме И. Китаевой из Архангельска, — поставлено еще совсем слабо. Даже на уроках литературы чрезвычайно мало времени и внимания уделяется художественной стороне произведений искусства. В старших классах нет уроков пения, рисования, школьники мало слышат хорошую музыку. У многих учащихся нет даже элементарных представлений по многим областям искусства. Поступив в этом году в педагогический институт, я вижу, что и в институте, к сожалению, будущий учитель не получает навыков правильного понимания живописи, скульптуры, графики, музыки».

Письма читателей свидетельствуют о серьезном интересе к вопросам, поставленным в статье «Убранство сельского дома». Продолжая разговор, начатый А. Пластовым, читатели настойчиво спрашивают, что сделано, что намечено сделать для устранения серьезных недостатков в этом важном деле, что предпринято для того, чтобы дом советского человека был красивым, нарядным, радостным. К сожалению, молчат те, к кому обращены эти вопросы. На статью А. Пластова до сих пор не ответил ни Министрство культуры, ни Министрство торговли.

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА П. И. ЧАЙКОВСКОМУ

Вчера в Москве состоялось торжественное открытие памятника великому русскому композитору П. И. Чайковскому. Памятник, воздвигнутый перед зданием Московской государственной консерватории, создан по модели народного художника СССР В. И. Мухомова. С речью на митинге выступил: министр культуры СССР тов. Г. Александров, композитор т. т. Хренников и Д. Шостакович. Фото В. Пухачева

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

В чем красота человека?

С таким вопросом обратился к «Комсомольской правде» студент Абдулхамид Юсуф. Редакция, опубликовав его письмо, попросила своих читателей высказаться по этому поводу, и вот 13 ноября появилась страница писем молодых советских людей, рассказывающих о своем понимании человеческой красоты, о своем понимании норм коммунистической морали.

«Об отношении к труду, к товарищам и к красоте человека», — эти слова человека А. Класа определяют основное содержание многих писем.

Студент Новочеркасского политехнического института Б. Могилан пишет: «Труд... Сколько встает за этим словом определение, мыслей, чувств! Можно отработать восемь часов на станке, выполнять норму, вовремя прийти на работу. Но есть и другой, творческий путь. Простой колхозник-полюбов Терентий Мальцев сделал в земледелии открытие огромного значения. Тысячи новаторов производства в своем сознании создали нормы, инженеры, уехав в необжитые неведомые степи, чтобы на месте целины заселили сады, заколосились густые, высокие хлеба. Разве не эти люди вдохновляют и увлекают нас, зовут к трудовым подвигам!»

Сколько искреннего, глубокого осуждения в письме Н. Харченко, рассказывающего о своей землячке Евгении Гривасовой, которая, окончив среднюю школу, сдает университетский экзамен по физике.

«Основы основ красоты человека заключаются в высоком сознании, в чистоте души, в стремлении быть полезным и нужным людям, народу», — пишет учитель П. Ленченко из Смоленской области.

О красоте подлинной и мимой, о внешней и внутренней привлекательности человека пишут многие. И здесь мнение едино: «Бесспорно, что богатством чувств нельзя измерять очертания лица и фигуры, но привлекательность, внешняя красота именно от них — этих чувств — и зависит» (из письма товарища Н. Канункина).

Все эти высказывания ценны тем, что за ними стоит жизнь людей — товарищей и близких авторов писем.

Советский человек ищет красоту этих людей — людей, далеко не обязательно исключительных, живущих бок о бок с каждым из нас, и с их повседневными делами связывает свой идеал прекрасного.

Интересный, полезный разговор, разговор не о схемах, а о больших вопросах жизни завязался на страницах «Комсомольской правды». Он особенно уместен сейчас, накануне большого митинга на нашей литературе — воспитательности человека.

ГЕРОИНЯ, ВЗЯТАЯ НАПРОКАТ...

Не так давно у одной из ленинградских театральные кассе произошел такой диалог:

— Товарищ кассир, разве в спектакле «Когда ломаются копыта» не играет артист Горбачев?

— Гражданка, перед вами афиша. Посмотрите: кто исполняет роль Бренко?

— Горбачев.

— Видите, а спрашиваете.

— Да, но из соседней афиши видно, что в этот же вечер Горбачев играет Ведерникова в «Годах странствий». Может быть, это другой Горбачев?

На некоторое время воцарилось молчание — кассирша была явно озадачена. Потом тщательно сверила инициалы артиста, латы спектаклей: сомнений не было — один и тот же вечер один и тот же артист участвовал в двух разных спектаклях двух разных театров.

Может быть, в одну из афиш вкралась «досадная опечатка»? Нет. Дирекция Академического театра драмы имени Пушкина до самого последнего момента была твердо убеждена, что П. Горбачев должен играть в спектакле «Годы странствий».

— Горбачев — член нашего коллектива, — резонно рассуждали руководители Большого драматического театра имени Горького. — Поэтому он обязан играть у нас в спектакле «Когда ломаются копыта». Победа на сей раз осталась за дирекцией Театра имени Горького — спектакль «Когда ломаются копыта» шел с участием Горбачева.

Вскоре у Театра имени Пушкина возник аналогичный конфликт с другим театром из-за исполнительницы роли Ольги в спектакле «Годы странствий» — Л. Люлько, которая в день спектакля оказалась занятой у себя в Театре комедии. Поскольку дублерши у Люлько не оказалось, пришлось заменить спектакль.

Приглашать артистов «со стороны» в Театре имени Пушкина стали в конце прошлого сезона. Началось с постановкой «Гамлета». В одном из крупнейших театров страны не нашлось актрисы на роль Офелии.

— Нет, и не надо, — решила постановщица, — возьмем из ТЮЗа артистку Мамасову.

Дебют Н. Мамасовой на академической сцене прошел успешно. В следующей постановке — «Годы странствий» — было уже два дебютанта: П. Горбачев и Л. Люлько. Доусматривая, что в театральной труппе, насчитывающей более ста человек, действительно не оказалось своей Офелии.

Что ж, это один из наиболее сложных образов классической драматургии, воплощение которого требует от исполнительницы не только высокого мастерства, но и реальных сценических данных. Но что заставило дирекцию театра искать на стороне исполнительниц для спектакля «Годы странствий»? Неужели в театре не могла «растопиться» и эта пьеса? Конечно, могла. Нашли же здесь впоследствии превосходного дублера на роль Ведерникова! Нашли и вполне равноценную замену Л. Люлько.

Нельзя ли возникает вопрос: не выбрал ли режиссер театра путь «протоплатней и легше», прибегая без особой нужды к услугам разовых исполнительниц? В самом деле, среди актеров драматических театров города почти всегда можно подобрать хорошего исполнителя той или иной роли.

Такая «палочка» значительно облегчает задачу режиссуры, побуждая ее от более длительной и кропотливой работы с членами собственного коллектива. Мы уж не говорим о том, что сама возможность приглашения артиста из соседнего театра способствует появлению издвигенческих настроений. Не случайно в Театре имени Пушкина ослабли работы с молодежью. На го-

родском смотре молодых актеров этот театр показал весьма скромные результаты. Впрочем, можно ли вообще говорить о работе с молодежью, если в труппе Театра имени Пушкина всего пять актеров, не достигших 30-летнего возраста?

Об отсутствии вкуса к работе с молодежью у руководителей Театра имени Пушкина, об их неумении увидеть незаурядный талант в зародке, а не после того, как он полностью раскрылся в другом театре, свидетельствует случай с тем же П. Горбачевым. Вспомним, что несколько лет назад, после успешного выступления в заключительном туре Всесоюзного смотра художественной самодеятельности в Москве, этот актер сам пришел в Театр имени Пушкина. Тогда от него попросту отмахнулись, а его желание поступить в труппу академического театра сочли несчастливым дерзостью. Сейчас же, когда имя П. Горбачева приобрело известность, в Театре имени Пушкина вдруг спохватились и решили исправить ошибку. Переимать «чужого» артиста, видимо, легче, чем воспитать «своего».

Никто не отнимает права у ведущего театра устраивать пробные дебюты, пополнять труппу лучшими актерскими силами. Но не следует злоупотреблять этим правом. Нельзя забывать ни об интересах других творческих коллективов, ни о дальнейшей судьбе приглашенных актеров.

На днях в Театр имени Пушкина перешел народный артист РСФСР В. Цетсков. Перешел главным образом для того, чтобы сыграть роль Гамлета. Уход из Ленинградского драматического театра ведущего актера, да еще в самый разгар театрального сезона, нарушил творческие планы этого коллектива.

Нередко бывает и так, что даже опытный, одаренный актер, попав в иную творческую среду, не находит в ней своего места и в глазах у равнодушных руководителей театра постепенно «сходит с сцены». Поучителен случай с заслуженной артисткой республики И. Мелавеевой, хорошо известной ленинградцам талантливым исполнением ведущих ролей в Театре имени Ленинского комсомола. Несколько лет назад эта актриса была приглашена в Театр имени Пушкина и с этого момента стала играть все реже и реже. В прошлом театральном сезоне ей довелось сыграть всего... 6 (шесть!) раз. Сейчас она не занята ни в одном спектакле! Это не единственный пример.

Выступления разовых исполнителей в Театре имени Пушкина именуют логосрочными дебютами. Но сколько времени приходится продолжать такой дебют? Нельзя второй сезон брать «напрокат» Л. Люлько из Театра комедии. Нельзя на протяжении нескольких месяцев «конфликтовать» с Большим драматическим театром имени Горького из-за И. Горбачева. Нельзя И. Горбачев переводить в Театр имени Пушкина. Однако еще задолго до приказа, вопреки театральной этике, дирекция академического театра поручила этому артисту очередную роль и сыграть в афишах слова «артист БТТ им. Горького» рядом с его фамилией.

Непродуманность, случайность в комплектовании труппы, неумение использовать ее внутренние возможности — болезни, распространяемые в театрах. Не правы те руководители театров, которые неверно понимают стабильность творческого состава, как нечто застывшее и вечное. Но плохо, когда за приглашением новых исполнителей скрывается неумение в собственном творческом кадрах, нежелание воспитывать и выдвигать свою молодую смену.

Ю. ДАШЕВСКИЙ,

собственный корреспондент «Литературной газеты»

ЛЕНИНГРАД

Встречи с читателями

Воскресное бюро пропаганды художественной литературы СГП СССР в течение последней недели провело в Москве несколько литературных вечеров.

В Октябрьском зале Дома союзов проведены вечера, посвященные советскому рассказу и советской сатире. Пути развития этих жанров охарактеризовали Н. Атаров и А. Безыменский. Затем писатели прочитали свои произведения.

В Большом зале Политехнического музея состоялся вечер советской поэзии. Краткий обзор развития поэзии за двадцать лет сделал Л. Атаресков. С чтением стихов выступили поэты разных поколений. Вечере принял участие английский писатель Джек

Линдей. В минувшее воскресенье в Колонном зале Дома союзов школьники столицы встретились с группой детских писателей.

Всего в этих вечерах приняло участие более 50 литераторов Москвы.

На днях в Центральном Доме Советской Армии состоялся вечер советской драматургии и встречи с писателями — участниками Великой Отечественной войны.

Вчера общественные столы отметили десятилетие со дня смерти известного советского поэта Иосифа Уткина. Его памяти был посвящен вечер в Центральном Доме литераторов. Творческий путь поэта охарактеризовал Л. Никулин.

Линдей. В минувшее воскресенье в Колонном зале Дома союзов школьники столицы встретились с группой детских писателей.

Всего в этих вечерах приняло участие более 50 литераторов Москвы.

На днях в Центральном Доме Советской Армии состоялся вечер советской драматургии и встречи с писателями — участниками Великой Отечественной войны.

Вчера общественные столы отметили десятилетие со дня смерти известного советского поэта Иосифа Уткина. Его памяти был посвящен вечер в Центральном Доме литераторов. Творческий путь поэта охарактеризовал Л. Никулин.

В центре «Повести» также стоит судьба трудового народа, лишающего свое счастье. Перешли в повесть и некоторые герои Некрасова. Мужик Яким Нагой — тот, кто «до смерти работает, до полусмерти нечет», — приходит в революцию с сознательным призывом:

За наше дело общее,
За наше дело правое,
За дело всенародное
Постойте до конца!

Мы знаем, как удачно использовал классические образы в сатирических целях Салтыков-Щедрин. Убийственной силой разоблачения либерализма и ренегатства обладают Молчалин, Репетилов, Фамусов в «Грохотке» Щедрина. И вот теперь Д. Бедный поставил знакомый образ не в сатирической, а в «антиутопический» план — и это во многом помогло «антиутопическому» выстрелу.

Основные главы «Повести» написаны поэтическим языком Некрасова, насыщены вставными стихотворениями и песнями; рекурсивны, частушками, словесными припевами, народными песнями и аллегорическими сказками. Но «Повесть» интересна на более конкретном материале, является своеобразной летописью 1914—1917 годов, и это ее новое качество отразилось на самой художественной ткани. Сочетание монументального размаха повествования с злободневной сатирой (чего стоит сказка «Колобок» или «Подка-

зимей тайноц «Либера», разоблачающий меньшевистских «вождей» Либера и Дана) явилось несомненным поэтическим новшеством.

А самое главное — в «Повести» нашел дальнейшее развитие принцип типизации, столь свойственный народной поэзии и широко примененный Некрасовым.

Путь Вани в «Повести» — типичный путь крестьянина (как, кстати, путь Ивана в «150 000 000» Маяковского — путь революционного пролетариата). Поэт, изображая своего героя, не стремится показать формирование его характера, не останавливается даже на его внешних чертах или деталях быта. Изображаемые события прямо показывают, чему они научили такого человека, как Вани, а следовательно, и миллионы ему подобных. Перед нами возникает не характер героя, не портрет, а собирательный образ.

И это отнюдь не схематизм, не обеднение искусства, а один из приемов заострения художественного образа, совершенно незаменимый в публицистической поэзии, мерцющей своей художественной ценностью. В поэме «Главная улица» поэт идет еще дальше. Не создавая отдельных характеров, он показывает столкновение «Нового хозяйства» — пролетариата — со старой старшиной. Как слитная, переплавленная, единая в своих действиях сила выступает в поэме революционный пролетариат.

Двигается, движется, движется, движется,
В цепи железных цепейми движется,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут

На последний, на главный руд.

Столь же нерасчлененной, единой массой встает и лагерь буржуазии, мечущийся в бешеной панике.

Так крупный, ярмолинейный, наделенный в одну точку борю активно выполняет свою благородную роль «агиттарияда».

В режиссуры, в остроге, в актуальности — сила и слава поэта-агитатора, поэта-трибуна. Вспомним, как высоко отозвался В. П. Ленин о стихотворении Маяковского «Прокалявшиеся». Вспомним, как назвал «железнодорожника» стихотворение Д. Бедного «Тяга» И. В. Сталин, как поставил он в заслугу поэту мужество, с которым тот сумел «вытащить кусок живой жизни и показать всей стране».

Но только тогда, когда это высокое мужество подкрепляется высоким мастерством, только тогда рождается подлинно актуальная поэзия, способная одинаково горячо волновать сердца людей и сегодня, и завтра, и через десятилетия.

Актуальная, злободневная поэзия имеет свои требования, свои художественные приемы, свои способы изображения действительности. Моги ли прийти Д. Бедный мимо опыта боевой, напористой публицистики революционных демократов? Конечно, нет, как не могли прийти другие поэты «Звезды» и «Правды», как не мог прийти мимо опыта поэта Маяковского.

Открывая способы и формы более действенного звучания своей поэзии, поэты-демократы разработали и новые жанры (сатирические куплеты, астральные песни) и новые художественные приемы. Ведь именно поэты-демократы, а не символисты и не Сана Черный и не Игорь Северянин ввели в поэтический обиход каламбуриозный рифму, яркую оригинальную рифмовку и строфику, поэтические неологизмы, пародирование известных текстов. Д. Бедный не только воспринял, но и безмерно обогатил возможности «жареного» удара: самым выбором жанра активно воздействовать решению темы. Едва ли не все традиционные жанры встретим мы в его поэзии. А сколько новых оригинальных форм: «Подсвободный астрономический болюлет», «Манифест барона фон Врангеля», «Новый завет без изъятия евангелиста Демьяна», «Барышник сон», «Политическая загадка», «Левосервевский романс».

И как ни прискорбно это замечать, современная сатирическая поэзия — да и не только сатирическая — утратила это богатство «жареного» удара: дальше стихотворения, басни да энграммы наши поэты не идут.

Д. Бедный — и это его несомненное достижение — свободно владел в стихе разговорной речью. Разговорная речь — это не просто «бытовая» или «производственная» лексика, а вся структура фразы, способная гибко и послушно воссоздать интонацию живой речи. Вряд ли нужно еще раз доказывать, как великолепно передает стих Маяковского все интонационное и лексическое многообразие речи «агитатора, горлана-глария». Стих Бедного строится на другой основе, но как свободно и легко подпадает он речь рассказчика, ведущего «беседу по душам»: то Демьяна Бедного — Мужика Вредного, то солдата Янки — Медной пряжки, то деду Софрона.

Самые разнообразные языковые средства ставил на службу агитационным задачам Д. Бедный. И, пожалуй, прежде всего нужно подчеркнуть роль поэтических неологизмов — слов, созданных для конкретного случая и именно для этого конкретного случая годичных. Когда Д. Бедный провозглашает чучуца Магнитофон, всех Чучустров без чучуца, то слово «Чучустрой», не претендуя на вхождение в общепародный

язык, прекрасно — скато и образно! — передает мысль автора. Такие слова, выходящие для решения вполне конкретной задачи, для раскрытия определенного образа, зачастую непонятные вне связи с идейно-образным контекстом, наиболее широко применял, как мы знаем, Маяковский, но щедро использовал эту изданья существующую специфику боевой публицистической лирики и Д. Бедный — «Деникавон», «Нуденки», «Жестикуются», «Корнитесь и керитесь»; известно, как метко использовал это выражение Ленин в одной из своих статей, говоря о калески-кориниониски-«керенской» государственности, «от которой рабочему народу в России «корнитесь и керитесь» вот уже больше полугодия».

К сожалению, и это завоевание газетного боевого стиха мало используют современные поэты.

Широко применял Д. Бедный в агитационных целях пословицу, поговорку (подлинную или сочиненную для данного стихотворения). И сейчас актуально звучит энграмма, написанная в конце двадцатых годов:

«Культурная», «счастливая» страна!
(Не надо называть известна всем она.)
Для безработных в ней — недостает кредитов,

Зато в любой момент, сподна,
Есть у нее особая казна
Для дурабобов и бандитов.

И насколько выигрышает эта энграмма, будучи предвзвешена на газетной полосе заголовком: «Для моего друга — сержанта из ушка, или на хорошего бандита не жаль никакого кредита».

В стихотворении «Это — то, что нужно!» первый эниграф — из переделки римского радио о том, что русские солдаты вместо кожаной обуви вынуждены в мороз ходить в обуви «из сушка» (имеется в виду валенки). И как «играет» второй эниграф: «Ай да Бенито! Вани знаменито! (Новая итальянская пословица)».

Нарисовано говорят некоторые поэты и критики, что газетный язык — самый, дескать, примитивный. Чтобы быть настоящим поэтом-газетчиком, как Маяковский, как Демьян Бедный, нужно точно, гибко, виртуозно владеть словом. М. И. Калинин справедливо назвал Д. Бедного «большим знатоком русского языка», а Горький упомянул его в числе «людей, весьма чутких к затаенной игре языка, и «словотворцев».

Особенно широко использовал Д. Бедный частушку — жанр, способный быстро и метко откликаться на все события действительности. Разговорная интонация, острота высказывания, сила выражаемого чувства, умение сочетание конкретного сатирического образа с общими обобщениями обеспечили широкое распространение частушек Д. Бедного:

«Эх, ты, горе, мое горе!
Забурлил народ, что море!»
Адмирал Колчак склудит,
Что забрюбочек болит.

Как насколько обогатили частушки оригинальное творчество поэта! Начало известной песни «Нас побить, побить хотели» почти дословно заимствовано из одной сибирской частушки:

Нас побить, побить хотели,
Побить собралися,
А мы сами атаманы
Того дождалися.

Такое частушечное начало большой патристической песни не создает диссонанса, а, наоборот, сообщает всей песне законность, боевой тон, повышает ее доходчивость. Остальные куплеты, сохраняя этот зазор, развивают тему, намеченную в первой строфе.

И не отсюда ли идет опыт М. Исаковского в таких песнях, как «Лучше нету того цветку», «Грохотка», где народная частушка дает толчок, тон всей песне.

А ведь и поныне мы встречаемся с мнением, что частушка — это примитив, пусть ее, дескать, самодеятельность сочинял. К сожалению, такие взгляды иногда отражались и на творчестве Д. Бедного. Иногда он как бы не верил в силу частушки и пытался внести в нее эстрадные элементы, различные «Фу ты! Ну ты! Вот делай!».

Не всегда Д. Бедный находил достаточно действенные формы поэтического изображения: многое в его творчестве, особенно в 30-е годы, перестало соответствовать возрастным требованиям народа. Но, несмотря на все промахи и недостатки, Д. Бедный с полным правом говорил о первом издании собрания сочинений: «Большинство того, что собрано в моих 20 томах, это разного калибра застывшие осколки, которые когда-то были разрывными снарядом. Осколки застыли, заржавели, быть может, но они честно сделали свое революционное дело и имеют право рассчитывать на революционное уважение. Если не все, то часть их попадет не в архив, а в революционно-художественный музей и не для того, чтобы ими любоваться, а чтобы их изучали, как и из чего они делались, в чем заключалось мастерство изготовления агитационного снаряда».

Собственно, в этому нечего добавлять.

Неувядаемая ответственность

из опыта СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Селью чудесных песен было сложено советскими поэтами об уходе юности в народную армию, о его высокой патристической готовности защищать родную страну. А ведь «первоисточником» явилась написанная в 1918 году и популярная по сей день песня Демьяна Бедного «Проводы». Как только не уговаривает Ванию родня не ходить в армию — и «без тебя большевики обойдутся», и «пропадет ния за что ты», и «лучше б ты женился, свет, на Арине!» — и все-таки парень отвечает:

Будь такие все, как вы,
Ротозев,
Что б осталось от Москвы,
От Расаев?

Сколько стихов написано о том, как избавляется от голода и нужды крестьянство, вступающая в колхоз. А ведь предшественниками этих стихов явились знаменитые, предельно простые строки о «коммунарах» Касьяне, Емеле и Нефеле.

Нужно было обладать незаурядным талантом поэта-агитатора, чтобы в разгар гражданской войны — в 1919 году — дать сохранившуюся на десятилетия стихотворную подлинку к плакату, призывавшему организацию первых коллективных хозяйств.

Популярный поэт дореволюционной «Правды», любимый народный поэт в годы гражданской войны и в восстановительный период, Д. Бедный проложил много новых путей для советской поэзии, оказал заметное воздействие на многих поэтов. Вряд ли можно отрицать, что поэзия А. Безыменского, А. Жарова, В. Лебедева-Кумача и других формировалась под влиянием творческих приемов Д. Бедного.

Творчество Д. Бедного заслуженно популярно в народе. Более 200 его книг общим тиражом свыше 9 миллионов экземпляров изданы в годы советской власти. Но вышедшее ныне пятитомное собрание сочинений имеет принципиально важное значение. Последние 20 лет Д. Бедный издавался лишь в одиночных и небольших сборниках. И вот теперь, перед Вторым всеармянским съездом советских писателей, переиздана собранные воедино сочинения поэта, ясно видны и место, и значение, и неузнаваемую действительную силу его поэзии.

Л И Т Е Р А Т У Р Н А Я Г А З Е Т А

16 ноября 1954 г. № 136

Раздумье о поэзии

В. ЛУГОВСКОЙ

Наша эпоха — эпоха массового культурного подъема. С каждым годом увеличивается в геометрической прогрессии число людей, предъявляющих свой счет нашей литературе, нашей поэзии.

На фоне массового грамотного и всыкального читателя личным кажется число «любителей» поэзии, которых мы знали в 20-е годы. Да и что это были за любители! «Знатки», турманы, комментирующие каждую строчку, совушие, неожиданный экстравагантный образ.

В то же время из-за невероятной бедности анализа стихов не притупился ли сегодня интерес к художественным достижениям, к бесподобной музыке русской поэзии, к творческой лаборатории поэта?

Правы Н. Грибачев и С. Смирнов («Литературная газета» от 21 октября), когда они говорят: «Теперь не совершенна ли и наша поэзия трудная, пока еще нам мало понятный поворот, в условиях которого нам все чаще откалывают старые приемы и средства и все настоятельнее возникает необходимость искать новые средства и приемы?» Да, если и не совершенна, то должна совершенствоваться.

Беда в том, что мы очень робко и мало ищем, неуверенно ищем. Беда в том, что у нас выработалась какой-то общий, нейтрально благополучный язык, что особенно видно на творчестве молодых поэтов.

Одной из главных причин этого является поэтическое редактирование, когда редактор (всегда часто редактор-поэт) сглаживает поэтический язык, стилизует особенности редактируемого поэта.

Автор, особенно молодой автор, робко, соглашается (было бы оставлено данное стихотворение в книге) и производит мучительную «визисацию» до тех пор, пока стихотворение не приобретет выуженный, благополучный и serene вид.

И вспоминаю, как Э. Багрицкий редактировал мои первые сборники. Он говорил: «Слушайте, это стихотворение дрянно, вынем его», и аргументировал свое предложение настолько убедительно, что я не мог не согласиться. Иногда он указывал на явную неточность образа, на явный ляпсус. Я исправлял. Но никогда такой чуткий ценитель поэзии, как Багрицкий, не вкливался в поэтическое хозяйство автора, в его индивидуальное видение мира.

Мы сами по совершенно непонятной инерции возвращаем в поэзии обидные беспорочные мысли и традиционные приемы. А поэзия — дело живое, темпераментное, острое. Всякая сериатина, всякий штамп, выкроенный из самых благих намерений, безнадежно тушат огонь стиха.

Самый тонкий, отзывчивый, самый гибкий жанр поэзии — лирика. Но нельзя сводить лирическую поэзию к лирическим песенкам, легким юмором эмоциям с кондовыми, заведомо ясной и самого начала. Русская поэзия горда лирикой, отвечающей на все «вечные» вопросы. Жизнь, смерть, высокая любовь, ревность, страсть, жалда справедливости, рождение человека, назначение человека, осознание человеком себя в природе, бессмертие — вот истинные темы подлинной лирики.

Много ли мы достигли за двадцать лет, прошедших со времени Первого съезда в такой лирике? Да, много во время Великой Отечественной войны, когда перед каждым со всей силой встали эти вопросы, и очень мало в последние годы.

А требование большого читателя — это требование не только поэзии умной, но поэзии умной, помогающей жить, делающей человека лучше, счастливее, чище. Я здесь говорю не о философской поэзии (хотя дай бог, чтобы и она у нас расцвела!), меня волнует углубленность лирики, способность раздумья у наших поэтов.

Перед нами — мир небывало сложных событий в истории человечества, перед нами — перестройка общества на совершенно новых началах, и здесь живое слово поэта, способного мыслить и афористически подытожить свою мысль, просто необходимо.

И здесь единой мерки не может быть для всех поэтов.

Один найдет себя в четкой простоте (у Шипачева — «Ты со мной, и каждый миг мне дорог...»), другой — в резком столкновении очень сложных чувств и переживаний (О. Берггольц). Для одних — поиски предельной краткости, для других — поиски сложной и активной формы.

Считать одно какое-либо направление главным — просто странно. Это противоречит здравому смыслу и хозяйскому отношению ко всему многообразию талантов нашей советской поэзии. Люди, входящие в коммунизм, хотят найти в советской поэзии все оттенки поэтического мышления, все формы поэтического высказывания. Им бы это выявлялось в общем плане социалистического реализма и было исполнено человеческой страстности.

Маяковский сказал мне однажды замечательную фразу: «И стихи пишу все телом» — и пояснил: «Шагаю по коямте, протягиваю руки, жестикулирую, расправляю плечи. Всем телом делаю стихи».

Это физическое напряжение великого мастера всегда приходит мне на ум, когда я читаю журналы, подчас начинаю плавать в мелкой луже чистенькой, трафаретной, физически бессильной стихотворной общности.

Отставание нашей поэзии происходит от снижения общего тона стихов, когда нет чудесного заклипания строки, когда нет практическое «выколачивание» возможно большого количества строк. Но этого заклипания строки не может быть без поисков новых средств поэтического выражения.

Пушкин совершил революцию формы, Маяковский ломал существующие формы стиха по-своему. А мы сейчас, восхищаясь (и правильно восхищаясь) сложным поэтическим мастерством Назыма Хикмета и Пабло Неруды, пропагандируя их творчество, полные силы и пафоса, бонуса, как жупела, даже робких отклонений от «нормального», плавного текущего стихосложения.

Хорошо, что волевой задор К. Симонова еще защищает его последние стихи от нареканий в сложности ритмической и интонационной.

Но уже угловатому М. Луконину нет места и подает за его упремые поиски нового. А какой силы он достигает в своем стихотворении «Мои друзья! Симонов, который вообще почти не пользуется образом в своих стихах, ломится вперед железным тараном сюжета, сменными публицистическими ходами и имеет свои большие удачи (хотя бы стихи о встрече с Шопу).

А простота — простота тоже должна

иметь свои достижения, тоже не смеет стоять на месте.

Непреодолимая сила Твардовского в том, что он мыслит, думает стихом, что ему не нужно никаких дополнительных ассесуаров, сложной образности, чтобы донести свою мысль прямою до читателя.

Прелесть такой простоты (далеко не простой) являлся Пушкин, который говорил стихами так же просто, естественно и неповторимо сильно, как человек, беседуя с человеком об обычном и самом главном в человеческой судьбе, о судьбах эпохи и государства.

Движение по пути естественности, подкупающей человечности стиха — это тоже не легкое, зато благодарное дело.

Мы все радуемся мягкой манере стихов С. Смирнова, который именно благодаря этой мягкой естественности завоевал — себе теплое отношение читателей.

В чем же еще отставание нашей поэзии по сравнению, скажем, с прозой? Да в том, что стихи труднее доходят до читателя, чем самый обыкновенный толстенный роман.

Конечно, просто паокие и серые стихи и не имеют права претендовать на внимание читателя. Но иной раз самое трафаретное прозаическое произведение раскупается и мгновенно расхватывается большими тиражами потому, что это есть предмет для чтения. События в романе как-то разворачиваются, Мама любит Васю, Вася любит Лену, добродетель торжествует, идут свадьбы и строчки. Можно почитать перед сном, в вагоне, в доме отдыха.

Сборник стихов, написанный на таком же уровне, не примут в редакции, а в прозе сойдет, ибо читается легко, имеется сюжет и какая-то познавательная ценность.

А в стихе еще нужно разбираться. Я здесь не говорю, конечно, о «высокой» нашей прозе, которая была и остается ведущим жанром русской литературы.

Но стыдно слушать, когда издательские работники говорят с пренебрежением о советской поэзии. Неужели русскую поэзию нужно рассматривать лишь как товар, лучший самокритик.

Но поэзия, если она не песенная (да еще с музыкой) или не абсолюто проста, предельно ясна и доходчива, нужно пропагандировать, объяснять, прививать читателю вкус к ее свойствам, инструментарно, к ее сложному хозяйству.

Нужно знакомить читателя с манерой не одного-двух поэтов, а многих поэтов. А творческие манеры бывают разные. Поэзия Тихонова труднее доходит до широкой читательской массы, чем поэзия Нескоровича. Но освоив ее для себя, читатель очень обогатится эстетически, познавательным, раскроет перед собой новый, широкий мир, подлинный героизм, высокого и строгого чувства справедливости и красоты.

Поэзия у нас хорошая, богатая и разнообразная. Только в пропаганде ее и критике многие ищут по проторенному пути, ограничиваются чрезвычайно узким кругом поэтов, на которых и направляется прожектер их внимания.

Меня чрезвычайно тронуло и обрадовало то, что после выхода книги Н. Сидоренко «Погожий день» в 1952 году Л. Озеров выступил по поводу нее в «Литературной газете» и А. Жаров в «Известиях». Н. Сидоренко не претендует на роль «ведущего» поэта, но Л. Озеров любовно открыл перед читателем живые и своеобразные стороны творчества этого поэта.

Дело в инициативе и внимательности, в любовном отношении к поэзии во всей ее широте и многообразии. К сожалению в настоящее время среди нас, поэтов, слишком чувствуется сухость отношений, незаинтересованность творчеством другого, ревнивое отношение к чужим успехам.

Барское пренебрежение иных, увенчанных лаврами, к окружающей поэтической среде («как какое дело до того, как ты живешь и чем живешь?»), вообще литературное барство всегда отвратительно.

Редко-редко поэт обратится к товарищам с сердечным и серьезным словом. В этом смысле мне хочется отметить хорошую статью «Разговор с другом» («Знамя», № 6, 1954 г.), написанную М. Аizer.

У каждого даровитого поэта найдется несколько стихотворений, которые входят в золотой фонд советской литературы. Нужно не только заметить их, но поддержать поэта в развитии той творческой, стилиевой линии, которая привела его к таким удачам. Сделал же Маяковский для М. Светлова большое дело, заметив и образцово поддержав его «Гренаду».

Вот мы одновременно поднимаем сейчас вопрос о творческих направлениях. Направления эти реально существуют, хотя их никоим образом нельзя сравнивать с прежними группами. Нужно для пользы дела выявить эти направления, назвать имена, заинтересоваться тем общим, что объединяет поэтов, что их отличает.

Вот тогда и интереса к этим направлениям будет больше, тогда разгорятся творческие споры. Боятся тут не него, ведь платформа у нас одна — социалистический реализм.

Отставание поэзии ощущается еще и в том, что все более и более заметно отставание со стороны критики и самих поэтов сердечного и хозяйского отношения ко всей поэзии в целом. Отсутствует анализ, глубокий анализ поэтических явлений и отдельных индивидуальностей.

Типичным и характерным является обзорная статья, сплошь состоящая из таблиц и списков, которые быстро бормочет автор статьи, затем происходит «материализация духов и раздача словов», как говорил Остап Бендер, заранее известной группе авторов.

Следующий вид такой критической деятельности — проработка. Проработка с выдиранием незначительной и иной раз случайной строчки и игнорированием почти всего остального, но ценного, что поэт дал в обсуждаемой книге.

Мы преступно мало обращаем внимания на эстетический рост нашего читателя. Мы не развиваем его вкус. Ведь для того, чтобы понять большое символическое произведение, слушатель должен пройти немалый путь подготовки. Так и в поэзии.

Демagogично было бы утверждать, что наш чрезвычайно многообразный читатель все знает, обладает идеальным вкусом. Это бы значило отрицать движение искусства

вперед, заведомо ограничивать мастерство, пропагандировать шинкиных метедов и вассековских богатырей (хотя картины эти отличные) и забывать о многообразии палитре нашего изобразительного искусства.

Почему не поговорить горячо и интересно о музыкальности стиха, о звукописи, о красоте и емкости образа? Это было бы полезно не только нашему читателю, но зачастую многим нашим поэтам.

Почему, например, не заинтересовать читателя активной ролью рефрена в таких произведениях, как «Киров с нами» П. Тихонова, «Коммунисты, вперед!» А. Межилова, «Шапка по кругу!» А. Суркова?

Почему не подчеркнуть ритмическое искусство С. Кирсанова в сцене плавки стали («Макар Мазай»), С. Васильева в описании первого взлета машины Можайского?

Вера Инбер узлето доказала, что для передачи самых живопренциципи, динамичных развертывающихся событий может быть использована пами, казалось бы, такая академическая форма, как октавы («Пудковский меридиан»). Мы говорим об Илье Сельвинском, как о большом мастере, а где слиток его поэтического опыта, оцищенный от всяких примесей и поэтический каждому поэту?

Нужно снова попросить у С. Маршала новые статьи о поэтическом мастерстве. Ему и книги в руки.

Мы не ценим старых мастеров, живущих среди нас. Мы забываем лучшие их произведения.

Почему лишний раз не восхититься романтикой, блестящей инструментальной «Синих гусяр» или «Семена Прокофьевича» у Николая Асеева, динамической краткостью отдельных картин «Девятьсот пятого года» Бориса Пастернака. Это было бы правильно и полезно для нас.

Разве не интересно было бы в широкой читательской дискуссии разобрать детально, творчески, как наши поэты работают над созданием того или иного образа, рассказать читателю, как живой герой, наш простой советский человек начинает жить в стихе.

Мы сами забыли о себе, о своей поэтической лаборатории.

Мы больше помним о себе в плане переизданий и местничества, а жалуемся на отставание нашей поэзии.

Громоздкие тезисы Союза писателей, астрматические дышпа, не срабатывают, да и не думают срабатывать с пропаганды поэзии.

Но в первую очередь виноваты в этом мы сами. Где диспуты, публичные споры? То лучше, что было в традициях Политтехнического музея времен Малковского?

Многие из нас боятся доброй литературной ошибки. Именно литературной, без проработанного членораздельности, без оргвыводов. И автор этой статьи сам первый повинен в такой аниати.

Но когда перед всем народом идет разговор об отставании поэзии, тут уж никому отступничать не полагается.

Мало настоящего разговора с читателем в библиотеках в рабочих клубах. Нет активной пропаганды поэзии по радио. Радио донесит до слушателя не лучшие новые стихи, а стихи «на случай».

Газеты, которые могли бы сыграть гигантскую роль в популяризации действительно выдающихся произведений, ограничиваются «паразитическими» стихами.

Разве не могли бы наши журналы, каторые, к сожалению, мало, меньше, чем до войны (при чрезвычайно возросшем количестве писателей), организовать встречи поэтов с читателями, поспорить, «снизарая на лица». Журналы могут и должны возгласить живую связь читателя и поэта.

Нет! Тиражи, о которых столько говорят, могут зависеть не только от предательства издателя и торгующих организаций, от известности того или другого поэта, они могут зависеть от интересной и объективной пропаганды всего лучшего, что в нашей советской поэзии имеется.

И хорошо, если бы журналы и газеты, в первую очередь «Литературная газета», имели бы какой-либо последовательный план такой пропаганды.

Есть ли у нас настоящий живой контакт с читателем? Нет подлинного контакта!

Хорошее дело — ехать на педину и на каналы, на новостройки и в МТС, но если поэт покидает творческую гибкость, творческий слух, если он не улучшает своей манеры письма, никакие самые красивые формально строки, самая блестящая инструменталька не заменят тленного человеческого дыхания. Без любви к нашему советским людям, без глубокого проникновения во все, что происходит на нашей советской земле, поэзия холодна и бессильна.

Последнее время у нас не слишком богато яркими и впечатляющими поэтическими произведениями, но работа поэтов идет, и весьма возможно, что рождаются большие, хорошие вещи.

Я знаю, что многие поэты, например Луконин, Кирсанов, Домлатовский, работают сейчас над большими вещами. Началата свою новую поему Антокольский.

А недавнее время принесло нам, кроме лирических стихов Твардовского и отрывков из его поэмы «За далью — даль», новые стихи К. Симонова, расцвет творчества С. Смирнова и С. Орлова, поему В. Тухновской «Дорога на Кухарь», интересные лирические стихи В. Журавлева, К. Ваншенкина и Е. Винокурова.

Итак: кризис поэзии у нас нет, имеются только кризисные явления, которые могут быть и должны быть устранены. К этим кризисным явлениям поэзии мы сами должны отнести прежде всего понижение чувства ответственности многих поэтов перед собой и перед читателем, холодность, ячество, барство и неадекватность в творчестве своих собратьев, несоразмерный интерес к собственному творчеству со всеми ошибками и недостатками, обращение внимания только на «смена» и самое тусклое отношение ко всей поэзии в целом.

Второй съезд... Мы ждем от него не «радзачи награды», а оживления всей литературной жизни с яростным утверждением всех наших побед и суровым осуждением всего, что препятствует могучему развитию советской литературы.

И затем этот разговор не для дискуссии, а просто от большого раздумья, векомная эпоха, многих из которых уже нет, векомная эпоха нашей литературы, атаки ее роста, весь ее большой и сложный путь, радужные успехи поэтов, которые я умоляю войти в литературу и которые, как и положено в жизни, теперь обгонят меня.

ЧИТАТЕЛИ О ЛИТЕРАТУРЕ

(ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ)

Писателем в работе над произведением должна руководить простая и ясная мысль о нас — его читателях. Пусть он знает и гордится тем, что миллионы людей будут жить жизнью героев, им написанных, а если они написаны талантливо, то герои его произведения смело со стороны книги шагнут в жизнь и будут помогать и вдохновлять наших советских людей на трудовые и ратные подвиги. Писатель должен уважать своих читателей — не писать скоро и плохо. Говорю о взаимоотношениях писателя и читателя, мы с грустью отмечаем, что некоторые писатели забывают о своих читателях. У себя в цехе на Ленинградском заводе имени Сталина мы давно не видели ни одного писателя. Это плохо, очень плохо!

Н. МУРАВЬЕВ, техник-технолог

ЛЕНИНГРАД

Смещение понятий сатиры и юмора приносит вред обоим жанрам. Сатира становится недоброй, а юмор робким. При всей близости друг к другу это — различные понятия, с различным объемом содержания. Сатира не может существовать без юмора, ибо обличение немыслимо без осмеяния. А юмор может существовать, и не имея сатирической направленности.

Юмор стал робким, так как, видимо, писатели боятся упреков в оглушении, если по ходу развития сюжета они ставят положительного героя в смешную ситуацию. С другой стороны, их упрекают в беззащитности, требую от них обличения, хотя в ряде случаев в этом нет необходимости.

Попробуйте достать в библиотеках книги Марка Твена, О. Геспри, Джерома К. Джерома... Подпишитесь на журнал «Крокодил», купите сборники рассказов, издающиеся этим журналом, хотя там не бог весть какие юмористические находки — довольно трудно. Все это — свидетельство огромного спроса на юмор, на шутку, это — проявление нормального стремления здорового, жизнерадостного человека посмеяться.

М. ЧЕРНИН, подполковник юстиции

БАКУ

Часто берет книгу и с досадой думаю: опять 800 или 900 страниц... Обычно даже лучшие книги из вновь появившихся проигрывают от длиноты и повторов. «Россия молодая» — талантливое произведение Ю. Германа. Его читаешь с неослабевающим интересом, но и оно бы выиграло, несомненно, от некоторых сокращений.

В неплохой книге С. Сартакова «Хребты Саянские» есть изливший балласт. Неудобно давать советы автору, но эпизоды с лодочником и его возлюбленной, эпизоды в отдаленной деревне, стал бы ярким произведением. А в массе он тонет и мало заметен.

пос. БУДОГОШЬ, Ленинградский обл.

З. ИОФЕ

Надо, чтобы в книге пише участвовал художественный вымысел, оживляющий книгу. Важно сохранить идеологическую, моральную принципиальность, но действительность развернуть на художественном вымысле. В противном случае книга получается, как знакомая дорога, по которой ходишь всю жизнь и так уже привык к ней, что не обращаешь внимания ни на красоту природы вокруг нее, ни на обрывки по ее обочинам.

Желательно, чтобы герои ставились в сложные положения, выход из которых лежит в находчивости, в смеельности, в преданности товарищеской дружбе, семье, Родине. Иначе герой следует по своему пути под охраной закона, морали и с ним ничего не случается, а с книгой случается — она от этого становится такой ровной и серой, что ее называют «ненитересная».

У врачей есть хорошее правило: все знать о своем пациенте. Для этого они вызывают больного на откровенность и доверяются при этом разительным успехам. Больные признаются им даже в том, какие лекарства они принимают и какие высыпаются. А это грех тяжкий...

Вот бы писателям поговорить по душам с читателями, они бы узнали, что «принимают», а что не читают.

И. БЕЛОМЕСТНОВ

Рудник ДЖЕЗКАЗГАН, Казахский ССР

Есть большая просьба к писателям: больше пишите о любви! Пишите о любви с любовью.

Хотя на эту тему написаны тысячи книг писателями всех родов, — эта тема никогда не устареет. Здесь нельзя не сделать упрека нашим писателям. Многие из них еще не научились ярко, полнокровно, чутко и тонко отображать чувства людей, переживания и отношения влюбленных.

В произведениях ряда наших писателей отсутствует романтика, а ведь она открыла бы читателя. Больше романтики! Не ползать нам, а летать! Произведение увлекает читателя, когда в нем чувствуется романтика, оно волнует нас, когда оно все пронизано пафосом. Вот почему, например, читатель всех возрастов волнуется и увлекается романом В. Кавриина «Два капитана».

А. ДОКУЧАЕВА, домашняя хозяйка

ЛВОВ

Прекрасные слова сказал поэт А. Твардовский в книге «Василий Теркин»:

А всего много плуце
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды судей,
Правды, прямо в душу боющей,
Да была б она погуце,
Как бы ни была горькая...

Вот правды-то, «в душу боющей», подчас и не находишь в некоторых произведениях.

Трудно поверить С. Бабаевскому, что его герой Сергей Тутаринов, вернувшись с войны, без каких-либо серьезных трудностей преобразил село. «Скоро — говорит — селаме скажутся, да дескоро дело делается».

«Районные будни» В. Овечкина выдают заветный интерес широкой читательской общественности потому, что это необычное произведение поднимает большие насущные вопросы жизни колхозного села.

А. МИШИН, И. МАЙБОРОДА, военномослаужащие

Русские писатели в республике

Владимир ЛИКО

В декабре 1952 года мне случилось побывать в Москве. В Союзе писателей проходила семинар драматургов, живущих в областях, и я спросил председателя комиссии по драматургии Б. Лавренева: «Почему руководители Союза писателей всякий раз забывают о русских драматургах, которые работают в союзных и автономных республиках? Специально для нас семинара не было и не намечается, на семинар для национальных драматургов нас не вызывают, на семинар для драматургов областей мы тоже не получили приглашения».

Б. Лавренев согласился, что такое отношение к нам, действительно, несправедливо, и пообещал в ближайшее время поставить об этом вопросе на секретариате правления Союза писателей.

Не знаю, выполнил ли он свое обещание, но воз, как говорится, и ныне там.

Пример этот мне кажется характерным для положения не только драматургов, но и всех русских писателей в республиках.

В Узбекистане русская секция насчитывает двадцать пять членов и кандидатов ССП. Вокруг секции сложилась большая актив молодых, начинающих писателей.

Не требуется как будто доказывать, что мы вправе ожидать от Союза писателей СССР постоянной помощи и внимания.

Вот об этом особенно важно для нас в вопросе и других, связанных с работой русского писателя в национальной республике, мне и хочется поговорить.

Что же в аппарате правления ССП занимается нами, русскими писателями, работающими в республиках?

Одно время считалось — комиссия по литературным работам СССР. На деле этого не было, нет и поныне. Потом решили, что нами должна заниматься комиссия по русской литературе в республиках, края и областях. Этого на деле тоже пока нет. Мне и ряду моих товарищей кажется несомненным, что руководить нами должна комиссия по литературным работам СССР. Совместная творческая жизнь настолько связывает узбекских и русских писателей республики, что рассматривать наши произведения, не делая сравнительного анализа, не определяя их места в общем ходе развития всей художественной литературы Узбекистана, вряд ли было бы правильно.

По так или иначе, а русские писатели Узбекистана попрежнему остаются вне сферы внимания правления ССП.

Права, отдельные, так сказать, внешние заботы со стороны правления были. В 1948 году была проведена творческая конференция русских писателей Средней Азии и Казахстана. Конференция эта принесла несомненную пользу. Хороший, деловой разговор состоялся по время недели узбекской литературы и искусства в Москве. Но не мало ли этого, если учесть, что русская секция в Союзе писателей Узбекистана существует уже двадцать лет!

Отсутствие постоянного внимания к творчеству русских писателей, живущих в республиках, со стороны ССП СССР, естественно, приводит и к тому, что в центральной печати критические отклики на это творчество случайны и редки.

За последние годы мы едва насчитали 4—5 статей в центральной печати о нашем журнале «Звезда Востока», да и в них основное внимание уделено переводным произведениям. И уж совершенно исключительным событием бывает появление в «Литературной газете» рецензия на какое-нибудь произведение русских писателей Узбекистана. Такой удачей за последние 15 лет дождались (по одной рецензии на душу) только три наших писателя.

Но, может быть, представители ССП оказывают нам творческую помощь во время приездов в Узбекистан? Я приведу один пример, как говорится, по горячему следу.

Наши узбекские товарищи и мы вместе готовились к третьему республиканскому съезду писателей. И все мы, конечно, считали, что этот съезд — съезд не только писателей-узбеков, но и русских писателей, живущих в Узбекистане, сроднившихся с жизнью республики. А приехавшие к нам из Москвы писатели Николай Тихонов, Вера Инбер, Леонид Матюшин, Иосиф Грибберг в своих выступлениях на съезде почти полностью обили молчаливую работу местных русских литераторов.

К чему это приводит?

Прежде всего, у отдельных товарищей возникает мнение, что творчество местных русских писателей серьезного разговора не заслуживает. И конечно, такое мнение не способствует улучшению атмосферы в писательской организации.

«Критика путем умолчания» невольно поддерживает также тех работников нашего республиканского издательства, которые нередко стараются вытеснить книгу местного русского писателя из плана.

Забывание русских писателей, незаботливое к ним отношение вредно сказывается и в столь важном деле, как выращивание местных переводческих кадров. Характерно, что за последние годы количество местных переводчиков узбекской поэзии не увеличилось, а уменьшилось.

Почему это происходит?

Если, скажем, московский переводчик Иванов и ташкентский переводчик Петров, печатаются в московском издании, получают одинаковую гонорарную ставку, то в нашем республиканском издательстве столичный товарищ Иванов получает вдвое больше...

Переводчиков в республике мало. Они, конечно, не могут перевести все значительные произведения узбекской литературы, и когда в этой области работают такие мастера перевода, как С. Маршак, С. Липкин, Л. Неньковский, — высокая оплата их работы естественна, закономерна. Но вот, к примеру, что получилось, когда над переводами узбекских стихотворений работали поэты А. Кондырев и М. Фоханова, поставленные нашим издательством в привилегированное положение. Работа была ими сдана, оплачена издательством... при ближайшем рассмотрении оказалось явным браком, потому что оба поэта не знали своеобразия той жизни, о которой были написаны стихи.

Если сейчас в Узбекистане в области поэтических переводов регулярно работают только очень немногие поэты, то это не случайное явление, а следствие невнимания к работе местных русских переводчиков.

Кстати, не характерно ли, что на третьем республиканском съезде писателей переводческая работа местных русских поэтов, переводивших многие тысячи строк узбекской поэзии, не была даже упомянутой?!

А поговорить было о чем. Хотя бы, например, о том ненормальном положении, что некоторые русские писатели, по многу лет живя в Узбекистане, до сих пор еще не изучили узбекского языка. И тут нужно было не только поговорить, но и принять конкретные, действенные решения. Практика показала, что надежды на изучение языка, без сказать, индивидуальным порядком перекрестившись. Союз писателей Узбекистана несколько раз брался организовать постоянный действующий семинар для изучения узбекского языка. Взялся, но так и не организовал. А семинар необходим.

Кроме того, по моему мнению, следует перестроить систему оплаты переводов с тем, чтобы высшую ставку назначать за хорошие переводы, выполненные без посторонней помощи. И, конечно же, устанавливать эти ставки вне зависимости от местожительства переводчика.

Все то, о чем я здесь рассказываю, в той или иной степени касается всех русских писателей Узбекистана. Но особенно несвоевое положение у местных русских драматургов. До сих пор республиканское Управление по делам искусств имеет право разрешать к постановке только пьесы узбекских драматургов. Даже в пределах республики пьеса русского драматурга без санкции Главного управления идти не может. Практика показала, что посылка пьесы по почте за редкими исключениями результата не дает. Значит, драматургу нужно ехать в Москву, нужно, если пьесу примут, получить указания от назначенного управлением редактора, возвращаясь домой, дорабатывать пьесу и снова ехать

ФРАНЦУЗЫ ПРОТИВ ВОЗРОЖДЕНИЯ ГЕРМАНСКОГО МИЛИТАРИЗМА

В восьми километрах от Парижа расположен маленький городок Сент-Уэн. В этом городке около тридцати тысяч человек после войны остались без крова. Эти тысячи людей, как и миллионы других, охвачены уже запятанной тяжелой жертвами и лишениями за политику вооружения германского милитаризма. «Мы не хотим, чтобы это повторилось», — говорят сейчас жители Сент-Уэна.

Независимо на улицах Сент-Уэна можно было видеть людей в простой будничной одежде, несших в руках большие почтовые ящики. Это было в те часы, когда люди торопятся на работу, домашние хозяйки спешат за покупками, город живет своей обычной повседневной жизнью. Но немалое проходило мимо, не останавливаясь около тех, кто нес почтовые ящики. Люди оспускали в ящик открытки с надписью: «Жители Сент-Уэна все помнят». А на обороте адрес: «Господину Менес-Франсу». Содержание всех открыток было одинаково: французы требуют отклонения парижских и лондонских соглашений.

В другом конце Франции находится деревушка Люм: это в нескольких километрах от Седана. Здесь родилось «Обращение к тружущимся Арденн», призывающее местных жителей усилить борьбу против планов возрождения сил агрессии и войны в Западной Германии. Мар деревушки — Жорж Файяр — член социалистической партии. Как известно, сторонники перевооружения Западной Германии стараются теперь заручиться поддержкой правых руководителей этой партии, чтобы протолкнуть в парламенте ратификацию парижских и лондонских соглашений. Известно и то, что правые лидеры СФЮ (социалистической партии Франции) добились на внеочередном съезде партии принятия резолюции в пользу ратификации соглашений о возрождении вермахта. И все же это не смогло помешать тому, что значительная часть делегаций, выражая мнение рядовых членов партии, голосовала против вооружения Западной Германии.

Жорж Файяр, мар Люма, рядовой член социалистической партии, говорит: «Я — против вооружения германских реневаншистов потому, что хочу избежать третьей мировой войны. Для меня ясно, что возро-

ждение вермахта неизбежно приведет к войне». То же самое говорит и другой член СФЮ, владелец кафе на окраине Люма — Эрманн. «Если «им» вернуть оружие, то они поступят так же, как поступали всегда. Мы не для того отвергли ЕОС, чтобы теперь принять лондонские соглашения. Какой бы этикеткой ни снабдили вооружение Германии, результат будет один и тот же».

На попытки навязать Франции парижские соглашения французский народ отвечает миллионной подписей протеста против вооружения Германии, собранных за несколько дней. Он отвечает бурей манифестаций, собраний, митингов, происходивших и продолжающихся во всей Франции.

Под петицией, осуждающей вооружение Германии и призывающей к немедленным переговорам с Советским Союзом, одним из первых поставили свои подписи все 450 рабочих парижского завода Оти-Нифр. В Люме за один день ту же петицию подписали 25 тысяч человек. В департаменте Буш-до-Рон сторонники мира за короткий срок собрали 100 тысяч подписей. В департаменте Коррез 93 местных политических и общественных деятеля опубликовали заявление, в котором они высказываются против вооружения Германии, за спешное проведение переговоров по германскому вопросу. Против вооружения боинских реневаншистов выступают виднейшие деятели Франции, почетный председатель Национального собрания Эдуард Эррио, депутат Рене Калптан, социалист Эдмон Нежлен и многие другие.

Можно без преувеличения сказать, что вся честная Франция, которая нанесла совсем недавно сокрушительный удар пламам создания «европейского оборонительного сообщества», стремится помешать претворению в жизнь парижских соглашений. Представители различных политических партий, взглядов и убеждений настаивают на переговорах четырех держав по германскому вопросу. Неудивительно, что предложение правительства СССР созвать в Москве или Париже общевосточную конференцию по вопросу об обеспечении коллективной безопасности в Европе вызвало широкий отклик во Франции.

«Мне кажется немалым отказом от предложения созвать новое совещание в Париже с участием девяти стран Восточной Европы, с одной стороны, и 16 или 17 атлантических стран, с другой», — заявила вице-председатель Национального собрания Гастон Палевский. Всего лишь несколько дней тому назад он спрашивал в одной из своих статей: «Почему отказываются от переговоров? Не потому ли, что боится успеха таких переговоров?»

Успех переговоров, результатом которых могло бы быть создание действенной системы коллективной безопасности, предотвращение военной угрозы, боится лишь определенные круги во Франции. Их рупором является, в частности, такая крупная оружейная газета, как «Фигаро». Она не нашла ничего лучшего, как высосать на днях на своих страницах бывшего гитлеровского генерала Хассо фон Мантейфеля. Впрочем, демократическая печать вскоре раскрыла причину пылких

Французский народ ведет упорную борьбу против ратификации лондонских и парижских соглашений. По всей стране происходит сбор подписей под петициями, осуждающими вооружение германских милитаристов, которые не раз приносили Франции неисчислимые бедствия.

На снимке: в квартале Сен-Фаржо в XX округе Парижа домашняя хозяйка подписывает петицию против вооружения Германии. «Француз, французка, вспомни! — написано на плакате. — Это означало бы ужасное вторжение нацистского вермахта в сердце Европы...»

симпатий «Фигаро» и вдохновляющих ее политических сил к одному из столпов создаваемой западногерманской армии: «Американские и французские торговцы пушками готовы поставить 50 процентов всего вооружения вермахта», — писали газеты.

В некоторых французских газетах в последнее время появились нотки уныния. Признавая, что возрождение германского милитаризма угрожает Франции, они убеждают своих читателей, что сопротивление планам воссоздания вермахта безнадежно.

Статья такого рода появилась, в частности, во французской газете «Монд», как известно, на протяжении длительного времени выступавшей против вооружения Западной Германии. В статье за подписью «Спирус» газета признает, что принятие Западной Германии в Организацию Северо-атлантического договора противоречит потемдамским решениям и франко-советскому договору о союзе и взаимной помощи. Цель, поставленная потемдамским соглашением, — искоренение нацизма и уничтожение нацистского охвостья в Германии, — не достигнута, пишет «Монд». «Нужно ли, — спрашивает газета, — узаконить зло, которому не сумели помешать? И возмется ли кто-либо утверждать, что вооружение Германии, под какой бы то ни было формой, сегодня уже не чревато теми опасностями, которыми оно угрожает вчера? Совершенно очевидно, что угроза остается прежней... Параллельно, что происходит соглашением с вооружением Германии в момент, когда в Организации Объединенных Наций впервые намечается единодушный жест в пользу разоружения. Но автор делает в конце статьи неожиданный вывод, идущий в разрез с логикой: вооружение западногерманских реневаншистов, утверждает он, неизбежно зло, с ним надо смириться».

Однако убежденные противники возрождения германского милитаризма во Франции не склонны предоступаться к этим речам. Борьба против парижских соглашений становится все шире. Честные французы уверены в том, что можно преградить путь возрождению сил войны и агрессии в Европе, можно создать надежную систему коллективной безопасности.

С. ТАРХАНОВА

Накануне сессии Всемирного Совета Мира

В столице Швеции — Стокгольме идут последние приготовления перед открытием сессии Всемирного Совета Мира. К этому городу, с именем которого связано историческое воззвание о запрещении атомного и водородного оружия, вновь привлечено внимание прогрессивной общественности. В эти дни сюда со всех концов земли прибывают борцы за мир. В открывающейся 18 ноября сессии ожидается участие около 400 человек, представляющих 60 стран.

Газеты уже сообщали о предполагаемой повестке дня сессии. Прежде всего делегаты обсудят германскую проблему и вопрос о европейской безопасности. На сессии будет также обсужден вопрос о разоружении и запрещении оружия массового уничтожения. Движение за объявление вне закона атомного оружия с новой силой развернулось в последние время в ряде стран. Так, например, в Японии за короткий срок под инициативу, требующей запрещения атомного оружия, собрано свыше 14 миллионов подписей. Иницие говорят о том, сколь важны вопросы, включенные в повестку дня по требованию миллионов простых людей. За последнее время в большинстве европейских стран прошли многочисленные собрания, участники которых призывали к активным действиям против лондонских и парижских соглашений о восстановлении вермахта.

Созванный Английским комитетом защиты мира Британский конгресс в защиту международной безопасности обратился ко всем англичанам с предложением потребовать от избранных ими членов парламента, чтобы они выступили и голосовали против соглашения девяти держав о вооружении Западной Германии, настаивали на немедленном возобновлении переговоров четырех держав по германскому вопросу. Это был самый широкий и наиболее представительный съезд сторонников мира в истории английского движения в защиту мира.

В резолюции, принятой участниками многолюдного митинга, состоявшегося недавно в Осло, говорится: «Мы отмечаем и одобряем предложение перевооружения Западной Германии и ее принятия в НАТО... Норвежский народ не желает маркировать плечом к плечу с военными преступниками... Всею выступают против восстановления германского милитаризма, против принятия Западной Германии в НАТО, за переговоры великих держав с целью заключения договора о коллективной безопасности...»

Прогрессивная печать европейских стран сообщает о расширении движения против восстановления германского вермахта в Голландии, Дании, Бельгии и других странах.

Приведенные факты свидетельствуют: вопросы о возрождении германского милитаризма и о запрещении атомного и водородного оружия близки сердцам народных масс, и потому чрезвычайно своевременно включение их в повестку дня предстоящей сессии Всемирного Совета Мира.

«Японцы трижды испытали на себе атомное и водородное оружие», — говорится в обращении, принятом не так давно федерацией женских организаций Японии. «Мы требуем немедленно прекратить испытания, которые угрожают жизни мирных граждан».

Важное значение имеют вопрос о положении в Азии в связи с так называемым «договором для Юго-Восточной Азии» (СЕАТО) и заключением военного союза между США и Нахстаном, а также вопрос об американском вмешательстве во внутреннюю дела латиноамериканских республик. Оба эти вопроса включены в повестку дня сессии.

Делегатам сессии Всемирного Совета Мира предстоит решить трудные, но почетные задачи. Каждая сессия борцов за мир способствует смягчению международной напряженности. Сотни миллионов простых людей всех стран желают посланцам мира удачи в их благородном деле.

Заметки писателя Конец балагана Керстена?

Есть люди, которые все очень быстро забывают. Если это происходит по причине наступившей старости, то ничего не поделаешь — склероз. Но, говоря о необычайной забывчивости Чарльза Керстена, в еще совсем недавнем прошлом члена американского конгресса, трудно предположить, что тому причиной — склероз мозга. Родился он не так уж давно — в 1902 году, следовательно, еще не достиг возраста, когда проявляются признаки старческого охорашения. Что же касается его жизни, то, сколько нам известно, она не протекала в таких условиях, в которых очень часто протекает жизнь среднего американца и заставляет его раньше времени состариться. Нет, совсем наоборот.

Несмотря на то, что Чарльз Керстен родился в Чикаго, ему не пришлось обитать потом на знаменитых бойнях этого города, не пришлось жить среди грязи и нечистот страшных чикагских трущоб. В юности он не был удачным продавцом говядины, не был и чистильщиком сапог, не мыл посуду в ресторанах... Мистер Керстен не бодя даже в свое время так называемой «золотой лихорадкой», ядовитые бациллы которой носились в американском воздухе.

Но, отдавая должное правде, следует заметить, что мистер Керстен никогда не перебрался сибирскими бастиями и звонким металлом. Золото он делал сам — сначала как адвокат и совладелец юридической фирмы «Керстен и Маккиннон», а потом как первый помощник прокурора в округе Милуоки (штат Висконсин). Но эти щедрые источники дохода и мантя прокурора не удовлетворяли его честолюбия. Мечтал он о более возвышенных делах. В 1946 году мечта Керстена осуществилась — он стал членом конгресса от республиканской партии.

И вот тут-то неожиданно обнаружилось необычайная забывчивость новополеченного конгрессмена. В первый же день он «забыл» все обещания, данные избирателям... Он голосовал за реакционный закон Тафта — Хартли, начал орудовать жуликом «коммунистической угрозы», в качестве члена подкомитета палаты представителей активно включился в антипрофсоюзные гонения и... проиграл. На следующих выборах Керстен забаллотировали. Ему пришлось вернуться к прежней адвокатской практике в Милуоки.

Однако Керстен не был бы Керстеном, если бы он так легко сдался. Спустя два года он снова добился своего: вторично избран в палату представителей. Он опять повел ту же игру злого и истеричного политика, но за другим столом: с вопросов внутренней политики он переключился на вопросы внешней.

Он смеялся, как прочие все в нынешней Америке сделать карьеру, стал ярким антисоветчиком и на первых порах преслед на этом поприще. Однако, в конце концов, Керстен смог опять убедиться, что пылать по осени считают. Несколько дней назад американские избиратели подвели итог «полезной деятельности» Керстена в палате представителей: на ноябрьских выборах в конгресс сей муж, добившийся переизбрания, с треском провалился... Какова же история величия и падения конгрессмена Чарльза Керстена?

...Этот провинциальный адвокат заслужил одобрение зурбор американской реакции, ибсе поправку к закону о взаимном обеспечении безопасности — печально знаменитую поправку об ассигновании 100 миллионов долларов на шпионскую и подрывную деятельность против Советского Союза и стран народной демократии. «Моя поправка», — так формулировал Керстен свое заявление, — предусматривает возможность оказания помощи подпольным организациям, которые существуют сегодня или могут возникнуть завтра». Конгресс принял поправку, и эта победа окрылила Керстена.

По инициативе Керстена, в 1953 году при палате представителей была создана так называемая «комиссия по Прибалти-

ка» — особая комиссия, которая «расследует» во-прос, касающийся вступления Литвы, Латвии и Эстонии в Союз Советских Социалистических Республик. Небже «полномочия» этой комиссии были необычайно расширены — в ее «компетенцию» включили и страны народной демократии. Эта комиссия, которую возглавлял сам Керстен, потратила не одну сотню тысяч долларов, с таким трудом дающихся американским налогоплательщикам.

Американский буржуазный журнал «Нейшн» в сентябрьском номере поместил статью Кэри Маккьюлмаса, посвященную этой комиссии. Уже в самом заголовке статьи содержится удивительная характеристика ее деятельности: «Комиссия ужасов». Балаган Керстена». Сказано точно: это, действительно, балаганщина самого дурного пошиба.

Журнал довольно наглядно показал, как в комиссии Керстена фабриковалась ложь о Советском Союзе и странах народной демократии. Комиссия Керстена, пишет «Нейшн», «специализировалась на постановке сырых мелодрам с кровью и пытками, насилием и убийствами. Перед этой комиссией проходили графы, графини и один или два раза перед ней стояли даже короли. На заседаниях комиссии различные голоса давали свои показания на разные леди... Они облекали дамкой таинственности события за «железным занавесом», выставляя в свидетели лишь свои красивые вожди...»

А кто же эти графы, графини и короли? Кто эти леди с бархатными головами и красивыми ногами, которые выступали перед комиссией Керстена, рассказывая всевозможные вымышленные истории, густо сдобренные кошмарами и ужасами? Это люди, навсегда скнутые с плеч свободными народами, люди, место которым только на мусорной свалке истории.

Рассеившись в своем балагане, Керстен вновь продемонстрировал паразитическую «забычивость». Конечно, от милуоцкого адвоката трудно требовать, чтобы он знал политическую историю Европы; но Керстену — члену конгресса, занимавшему внешне политической, следовало бы помнить если не всю историю, то хотя бы важнейшие факты и события, происшедшие в Европе после первой мировой войны. Однако Керстен эти факты «забыл».

Если бы мистер Керстен руководствовался не призрачными видениями, порожденными его ограниченной адвокатской фантазией, а реальными историческими событиями и фактами, то он легко понял бы, что так называемая «комиссия по Прибалтике» нечего делать и нечего изучать, ибо все и так ясно. В самом деле, что в этом вопросе не ясно, не исследовано и не понятно? Ровно ничего.

Народы Прибалтики с давних времен связаны тесными экономическими, политическими и культурными узами с великим русским народом. Это — проверенная и укрепленная в течение сотен лет дружба, которая ярко проявилась в дни Великой Октябрьской социалистической революции. Разве удивительно, что народы Прибалтики, узнав о предательскомговоре своих буржуазных правительств с Гитлером, скинули этих правителей и создали советскую власть — ту самую власть, за которую они в октябре 1917 года проливали кровь? Каждый здравомыслящий человек поймет, что такого была суверенная воля народов Прибалтики, логический результат исторического развития в этих странах.

Но, быть может, Керстен, создавая свою «комиссию по Прибалтике», только разгневывал дурочка и «забычивого» человека? Может быть, он в своих темных снах мечтал и мечтает повернуть вспять колесо истории? Кажется, так оно и есть. В таком случае дадим ему добрый совет: удалитесь на покой в штат Висконсин, постарайтесь избавиться, мистер Керстен, от этой назойливой идеи, ибо она несбыточна...

Итак, милуоцкий адвокат, верный соратник небезызвестного сенатора Маккарти, вычеркнут из списка членов конгресса... Надо понимать, что и «балаган Керстена» наступил конец? Так это или же иначе, но не лишне напомнить господам американским конгрессменам: народы прибалтийских советских республик отлично понимают, что кроется за призрачными мечтами иных «забычивых» политиканов. Народы Прибалтики заключили нерушимую дружбу на веки веков с другими народами Советского Союза и никому не позволят вмешиваться в их внутреннее дело. Время бывших графов и министров, которые молили языками в «балагане Керстена», прошло, и прошло навсегда.

И. ЛЬВОВА

Троянский конь XX века. Рисунок худ. Паршау из немецкого журнала «Облендигель»

Сунао Токунага и его роман «Тихие горы»

С первого марта этого года в японской газете «Акахага» — боевом органе японских коммунистов — изо дня в день печатается вторая часть романа одного из наиболее выдающихся писателей современной Японии коммуниста Сунао Токунага «Тихие горы». Первая часть этой книги, также опубликованная в «Акахага», вышла в свет в начале 1950 года и быстро завоевала популярность в широких кругах японских читателей.

Передовая общественность Японии, литературная критика ряда демократических стран высоко оценили идейные и художественные достоинства первой части романа «Тихие горы». В короткий срок роман был переведен на китайский и польский языки, готовится к изданию переводы «Тихих гор» в Чехословакии и Германской Демократической Республике. С большим интересом прочли и советские читатели книгу, правдиво рассказывающую о тяжелой жизни и мужественной борьбе трудового народа Японии, руководимого героической японской компартией.

В первой части романа Токунага удалось воплотить в художественно убедительных образах важнейшие процессы, определяющие всю жизнь японского народа в первый период после капитуляции Японии, осенью 1945 года, когда Япония попала под гнет американской оккупации. Токунага показал нам страну в те годы, когда мощная волна национально-освободительного движения, распространившегося по всему миру вслед за окончанием второй мировой войны, достигала и до Японии, вызвав небывалый по масштабам подъем демократического движения в стране.

Задуманный как широкое социальное полотно, роман «Тихие горы» уже в первой своей части отличается многоплановостью, богатством и разнообразием содержания. Изображая жизнь большого военного

завода, эвакуированного в годы войны из Токио в отдаленный район «тихих гор», писатель раскрывает обстановку капиталистической эксплуатации, натронутого режима, царящую на заводах Японии. Действие романа переносится в деревню, и перед читателем предстает бесхотечно тяжелая, трагическая участь крестьянства Японии, лишенного земли, страдающего от хронического голода, безправного перед помещиком-феодалом. Вместе с героями книги мы видим страшное зрелище разрушений, причиненных войсками американских «летящих крепостей» на Токио; становимся свидетелями политической расправы; узнаем, как организуются провокации против прогрессивных деятелей, как под покровительством оккупантов оживляются реневаншистские реакционные элементы. Жизнь послевоенной Японии — с голодом, инфляцией, экономической разрухой и политическим бесправием встает перед нами со страниц романа.

Писатель коммунист Токунага показывает жизнь в ее революционном развитии. Не ограничиваясь изображением бедственного положения своего народа, он показывает, как руководимые коммунистами массы поднимаются на борьбу, как зреет в народе революционное сознание, как все лучше, честнее, передовее, что есть в народе Японии, тянется к коммунистической партии. Рост и формирование нового человека — сознательного борца за освобождение своей родины — такова главная тема, определяющая содержание романа «Тихие горы», раскрытая автором на примерах судьб многочисленных героев его книги.

Образы Хатсу, Фурукава и многих других героев первой части романа «Тихие горы» надолго запомнились читателям. Миллионы читателей и в Японии и за ее пределами с нетерпением ожидали появления второй части книги, чтобы дальше следить за судьбой любимых героев. Однако

прошло целых четыре года, прежде чем продолжение романа Токунага снова смогло увидеть свет. Вскоре после того, как была закончена печатанием первая часть, газета «Акахага» — трибуна, с которой Сунао Токунага обращался к народу, — была закрыта по приказу оккупационных властей. Американская интервенция в Корею, развязанная летом 1950 года, повлекла за собой усиление террора в Японии. Американские оккупационные власти обрушили ряд новых репрессий на прогрессивных деятелей культуры. По стране прошла волна арестов. В широком масштабе проводились так называемые «чистки красных»: реакция распространялась с неугодными ей людьми на заводы и фабрики, в школах и на университетских кафедрах. Руководство компартии было вынуждено уйти в подполье. Сунао, как в худшие годы господства милитаризма, прогрессивная печать была объявлена вне закона. Токунага был лишен возможности публиковать продолжение своего романа. Находясь четыре года напращенной, упорной борьбы, которую вели демократические силы в стране против наступающей реакции, чтобы рабочий класс Японии вновь отстоял право иметь свою боевую газету «Акахага». С марта 1954 года она стала выходить еженедельно.

И в первом же номере газеты читатели опять увидели хорошо знакомое им имя Сунао Токунага — с первого же дня своего возобновления газета начала печатать вторую часть его романа «Тихие горы». Обращаясь к читателям, редакция «Акахага» писала: «Как только стало известно, что «Акахага» вновь будет выходить еженедельно, встал вопрос о литературном приложении, и все единодушно сошлись на том, что этим приложением должно быть продолжение романа «Тихие горы», — вот как глубоко связана эта книга с нашей газетой!» Действительно, творчество Токунага, с первых шагов неразрывно связанное с боевой деятельностью японского рабочего класса, по справедливости может быть названо одним из важных участков общественной борьбы. В небольшой статье, от-

крывающей вторую часть его книги, Токунага, отмечая, что считает для себя высокой честью право печататься в возрожденной «Акахага», писал о том, что надеется внести свой личный вклад в дело укрепления общенародной газеты.

Продолжение романа Сунао Токунага печатается уже несколько месяцев. Книга еще не опубликована полностью, но уже представляется возможным вынести о ней определенное суждение. Так же как и первая половина романа, вторая часть «Тихих гор» повествует о борьбе рабочего класса и крестьянства Японии. Действие первого тома проходило в первые месяцы после капитуляции, когда эта борьба только начинала принимать организационные формы. Во втором томе роман, охватывающий период с конца 1946 по 1949 год, перед читателем развертываются картины массового организованного движения. В центре внимания писателя — крестьянские конфликты, которые потрясли Японию в эти годы в связи с проведением так называемых «земельных реформ», ничего не изменившей в бедственном положении японского крестьянства. Рисуя судьбу небольшой деревни Торидава, близ берегов озера Суна, Токунага передает всю глубину горя японского крестьянина.

Показ мужественной борьбы японского крестьянства сочетается в романе с широким изображением стачечного движения пролетариата начиная с февральских событий 1947 года, когда штаб оккупационных войск впервые запретил проведение грандиозной по масштабам всеобщей забастовки.

С большой силой удалось писателю показать в своем новом романе подлинный облик нынешних героев Японии — американских оккупантов. В первой части «Тихих гор» эта тема еще не получила достаточного развития; Токунага ограничился показом того, как напыле в политическом отношении Фурукава, Икэнобэ и другие герои только начали извлекаться от иллюзий относительно подлинного характера американской оккупации. Во второй части романа писатель

нашел смелые, яркие краски для разоблачения оккупантов. Американская военщина предстает перед читателем в своем настоящем виде: как главный душитель демократического движения японского народа.

Верный своему творческому методу, Токунага рисует события современности в неразрывной связи с судьбами своих героев. Делясь с японскими читателями своими творческими планами, Токунага рассказывал, как он предполагает закончить роман. Погибает в борьбе молодой рабочий коммунист Икэнобэ, убитый во время вооруженного столкновения рабочих с полицией; умирает раздвоенный намерть под колесами «джипа» старик Тосаку, так и не дождавшийся осуществления своей мечты о приобретении «своего собственного» клочка земли; доведенная до отчаяния, кончат с собой солдатская вдова Тие. Но оставшиеся в живых Фурукава, Хатсу и другие продолжают борьбу. Этих людей не сломить никакими репрессиями.

Писатель-реалист Токунага глубоко и всесторонне показывает в своем новом романе действительность современной Японии. И хотя роман его еще не закончен, но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что жизненная правда, которой дышит каждая страница «Тихих гор», высокое реалистическое мастерство, доступное лишь писателю, стоящему на уровне передовых идей нашей эпохи, являются залогом успеха новой книги Сунао Токунага. Яркое, волнующее произведение ветерана прогрессивной литературы Токунага является новым вкладом в дело общенациональной борьбы японских трудящихся за освобождение своей родины, порабожденной американскими оккупантами.

И. ЛЬВОВА